

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александр Тамоников

ИВАН
ГРОЗНЫЙ

Конец крымской орды

Русский исторический бестселлер

Александр Тамоников

**Иван Грозный. Конец
крымской орды**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Иван Грозный. Конец крымской орды / А. А. Тамоников —
«Эксмо», 2020 — (Русский исторический бестселлер)

ISBN 978-5-04-113426-6

1572 год. Москва только что оправилась от разрушительного набега татар. Но крымский хан Девлет Гирей не думает успокаиваться. Он готовит новый поход. На этот раз хан планирует окончательно разбить русских и сесть в Москве «на царство». Царь Иван Грозный спешно готовится к обороне: строит новые пограничные укрепления, усиливает войско донскими казаками и немецкими рейтарами. Решено встретить врага на берегах Оки. Туда на разведку отправляется отряд воеводы Михайлы Бордака. Он видит, как татары переправляются через реку, и спешит сообщить об этом главному воеводе князю Воротынскому. Ни татары, ни сам Бордак еще не знают, какая ловушка готовится степнякам на этом берегу...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113426-6

© Тамоников А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	30
Глава 3	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Тамоников
Иван Грозный. Конец крымской орды

© Тамоников А. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Боярин Михайло Бордак плохо спал в ту ночь. Покой отгоняли тревожные мысли об Алене и ее сыне Петруше. Недавно он спас их, выкупил из неволи в Крыму, в городе Кафа, где выполнял тайное задание, порученное ему царем Иваном Васильевичем. Потом эта женщина, мужа которой зарубили татары, стала его женой.

Удалось ли им теперь уйти из Москвы? Они должны были покинуть столицу на ладье княжича Василия Парфенова. Ее на месте не было. Как и немногочисленной челяди. Княжич сам проверял. Но значит ли это, что Алена, которой рожать скоро, да Петруша с помощью ключника Герасима и Марфы, а также служки Кольки дошли до подворья княжича и успели сесть в ладью? Смогла ли она пробиться чрез затвор из разных судов, на которых люди уплывали из посада? А если сели, то довел ли кормчий Демид Глухов ладью до вотчины Парфенова, в село Стешино, которое вниз по течению в шестидесяти верстах? Но даже если ушли, сели, уплыли и добрались до села, то не попали ли там в полон к татарам? Ведь именно туда, ну, может, чуть восточнее повел свою орду Девлет-Гирей.

Мысли мучили его так, что разболелась голова. Луна пошла к востоку, когда Бордак не выдержал и вылез из шалаша, стоявшего на елани.

Его заметил дозорный опричник, который нес службу в то время.

– Боярин, ты чего не спишь? Или по нужде вышел? – спросил он.

– По нужде.

– Мы отхожее место устроили сразу за правыми шалашами. Ты не испачкайся там.

– Ты, ратник, службу свою бди, обо мне не беспокойся. Другая у меня нужда.

– Скажи, какая, боярин. Может, подмогу. У меня бабка знахаркой знатной была. Мать тоже шла по ее следам, хотя и недолго, померла рано. Ну и мне кое-что от них досталось. Знаю немало трав, которые от разной хвори помогают.

– Боль головная у меня, ратник.

– Ударился?

– Нет.

– А в членах слабость есть? В жар, озноб не кидает?

– Нет. Постоянно думаю о жене с сыном, оттого и боль, наверное.

– Они на Москве остались?

– Где же еще?

– Многие заранее ушли.

– Умнее нас оказались. Но чего теперь об этом говорить? У тебя-то где семья?

Опричник вздохнул и ответил:

– Нет у меня ни жены, ни детей, ни отца, ни мамки. Один я на этом свете. Но моя история долгая и тебе, вельможной особе, не интересная.

– Отчего же? Поведай о жизни своей.

– Нет, не буду. Не хочу ворошить прошлое, слишком уж худое оно. Сейчас лучше. Мне и думать-то не о ком. Весь в службе. Но коли постоишь за меня да последишь малость за еланью, то принесу травы одной. Вдруг она тебе и поможет.

– Я-то постою, но что за трава такая у тебя? Ее ведь, наверное, заваривать надо, а где сейчас это сделать? Костры не горят, от лучин проку нет.

– Моя трава особая. В ней лечебные только верхки. Их можно и в холодной воде растолочь. Конечно, отвар лучше, но сойдет и так.

– Ладно, неси. Все одно хуже не станет.

– Это так. – Опричник прошел к левому ряду шалашей, скрылся между ними, вскоре вернулся с тряпицей. – Держи, воевода. В чашу воды налей, из тряпицы осторожно достань

пучок травы, верхки стряхни, но только зерна, их рукояткой ножа растолки... хотя чего это я? Сам все быстрее сделаю.

Бордак невольно улыбнулся и сказал:

– Твоя правда, ратник. Лучше сделай сам.

– Чашу надо, вода у меня есть в бурдючке.

– Сейчас принесу. Кроме чаши ничего не надо?

– Нет, нож у меня тоже всегда при себе. – Ратник принялся за приготовление зелья.

Бордак же прошел ко второму, внешнему дозору. Там службу нес опричник Семен Топарь. Он лежал за кустом, услышал шорох сзади, резко обернулся.

– Тихо, Семен, это я.

– Боярин? – удивился Топарь.

– Я. Ну что у тебя тут?

– Ничего, боярин, тишина.

– Это хорошо.

– Вот только дымом потягивает, чуешь?

Михайло принюхался. С юга действительно тянуло дымом.

– Да, что-то горит. И давно ты почуял дым?

– Нет, недавно, как ветерок сменился. Раньше он дул с запада, тогда дыма не было. А сейчас он такой, будто с пожарища прилетел, еще тлеющего.

– Вон там впереди у нас село.

– Далеко?

– Верстах в десяти. Неужто оно сгорело?

– Могло. А то и не село, а лес глубже.

– Утром двинемся к реке, мимо села пойдем, тогда все и узнаем.

– Воистину.

– А так, говоришь, все спокойно?

– Сам видишь. Тихо как на погосте, даже мелких птиц не слышно. В это время совы обычно летают. Сейчас нет и их.

– Орда прошла, распугала и людей, и зверей. От нее все бегут.

– Это да. А Москву-то как шустро татары сожгли, а?

– Им повезло. Не начнись ураган, выстояли бы наши полки. Но вмешались небесные силы. А против них всяк бессилен. Только Господу Богу подвластно все то, что происходит и на земле, и в небе.

– Так почему Он не защитил столицу православную?

– Не богохульствуй, Семен. Видать, прогневали мы Бога, и послал Он нам жуткое испытание. Но не обделит и милостью.

– Быстрее бы.

– У тебя жена есть?

– Нет. И не было покуда.

– А родные на Москве проживают?

– Слава Богу, нет. В Угличе они. Отец сапожник, мать с сестрой по хозяйству. Вот сестра собиралась замуж. Отец приезжал на Москву, говорил о том. Звал меня домой по осени. Но куда теперь? Не до свадеб.

– Не след так говорить, Семен. Жизнь продолжается.

Ратник взглянул на воеводу и спросил:

– А тебе чего не спится, боярин?

– Маюсь, не ведаю, что с семьей моей. Она на Москве оставалась. А жена родить скоро должна. Где они с сыном теперь, живы ли? Вот что меня очень беспокоит, Семен.

– Да, это плохо, коли не ведаешь, что с семьей. Лучше знать, пусть и самое худое, нежели вот так маяться.

– Ладно. Ты до утра заступил?

– До зари. Потом сменщик придет.

– Давай, неси службу. Я постараюсь уснуть.

– Ты, боярин, надейся на лучшее.

– Благодарю, ратник. – Бордак вернулся к опричнику, несшему службу в лагере, и спросил: – Ну что, сделал снадобье?

– Да, вот оно, выпей.

– Все пить?

– Все.

Михайло опустошил чашу.

– А теперь ложись и попробуй уснуть, – сказал опричник.

– Получится ли?

– Ты ложись, а там видно будет.

Воевода вернулся в шалаш, лег на лежанку.

– Ты чего, Михайло? – раздался голос княжича Парфенова с другого края шалаша.

– Голова разболелась, Василь. Я разбудил тебя?

– Если скажу «нет», согласишься?

– Не поверю.

– И правильно сделаешь. Все о своих думы думаешь?

– А как же, Василь? Ведь не ведаю, что с ними.

– Хорошо хотя бы то, что на подворьях людей не было, да и ладьи тоже. Значит, ушли рекой и твои, и мои.

– А как узнать? Да еще вотчина твоя стоит на пути орды.

– Ну если Девлет повел ее на рязанские земли, то, может, и минуют крымчаки село. А нет, то только бы дошли наши до него, а там ключник переправит их в лес, в скрытное место, недоступное для чужаков.

Бордак приподнялся и сказал:

– Слушай, Василь, а если нам зайти в твою вотчину? Это же не так далеко.

– Да, не особо. Верст пятьдесят отсюда на восток. Там река Москва извивается как уж. Вот на правом берегу излучины и стоит село. А орда и мы на левой, западной стороне. Так что, чтобы зайти в село, придется переправляться через реку, а бродов там нет.

– Это не страшно. Да и всем переправляться не надо, только нам двоим.

Парфенов зевнул и проговорил:

– Ты главный воевода. Тебе решать, куда и зачем идти отряду. Можем и зайти.

– Давай поступим так. Впереди село Волонино. Оттуда дымом несет, хотя и слабо уже.

Утром, после молитвы и завтрака, отправимся к этому селу, посмотрим, что там, пройдем далее до деревни Колодка, что верстах в двадцати от него. После свернем на восток и двинем к твоей вотчине.

– Согласен, если только крымчаки не помешают нам уйти.

– Это понятно. Коли их будет не слишком много, то схватимся с ними. Это сейчас самое главное. Тут уж не до своих дел.

– Вот и договорились. Я и сам, если честно, хотел просить тебя свернуть к Стешино, да не решался.

– И с чего ты стал такой нерешительный? Я для тебя большой начальник?

– Так положено, Михайло. Ты первый воевода, главный, я всего лишь твой помощник.

– Прекрати даже думать о том. Мы в первую голову товарищи.

– Ладно, порешили. А теперь отдыхать. А то будем с утра как мухи сонные.

– Не ведаю, смогу ли забыться.

Но Бордак уснул быстро. Головная боль прошла. Наверное, зелье помогло. Или же то обстоятельство, что он решил проведать вотчину Парфенова.

Лагерь проснулся на рассвете.

Бордак тут же выслал разъезд, приказал ему посмотреть округу. Конники далеко не ходили, оглядели лес, ближнее поле и вернулись. Старший разъезда доложил воеводе, что крымчаков и вообще кого бы то ни было поблизости нет. Но чувствуется запах дыма. Ветерок приносит его с верховья реки.

Воины собрались на середине поляны, помолились, перекусили тем, что было в суммах. Припасы они берегли, добыть их было негде, кроме сел и деревень, разоряемых ордой.

После этого Бордак вызвал к себе головной дозор. Его возглавлял Иван Пестов. Под началом у него были Федор Верга, Егор Ступа, Осип Карась и Никола Бартов.

Свое задание Пестов знал.

Бордак лишь сказал ему:

– Помни, Иван, идем позади орды. Крымчаки могут вылезти откуда угодно. Причем отрядом немалым. Коли они завидят вас, то нам всем придется тяжело.

– Я это знаю, воевода.

– Тогда вперед, к реке. Она где-то в версте. Далее по берегу до села Волонино. До него чуть более десяти верст. Уразумел?

– Да, боярин.

– С Богом!

– Пошли, ребята, – дал команду дозорным Пестов.

Головной дозор ушел с елани по тропе к полю.

Княжич Парфенов тем временем построил десятки.

– Идем до ближнего села, от него до деревни, – сказал боярин своим людям. – Десятникам назначить дозорных по сторонам. Им выход по моему распоряжению. Вперед, воины!

Отряд Бордака, состоявший из трех десятков бойцов, покинул лесную поляну. Еще до молитвы опричники убрали с нее шалаши, не оставили ни единого следа своего пребывания здесь.

Воины шли в строгом порядке. За головным дозором следовали ратники Фомы Рубача, с ними Михайло Бордак и Василий Парфенов. За ними держался десяток Якова Грудина, позади – люди Луки Огнева.

К воде они вышли быстро и увидели нечто страшное. По реке плыли трупы мужиков, баб, детей, доски от лодок, бревна от плотов. На песчаной кромке лежали два трупа. Оба бабы. Обгоревшие. А сколько таких тел река уже унесла? Жители Москвы искали спасение, а нашли гибель.

Сердце Бордака уколола жуткая мысль:

«А нет ли среди этих трупов моих Алены, Петруши, Герасима и Марфы, других знакомых? Не разлетелась ли на куски в давке ладья княжича, как те, остатки которых плыли по реке? Опять тревога. Нет никакого покоя».

Парфенов увидел бледное лицо Бордака и приказал отряду отойти от реки на сто сажень, что было тотчас исполнено. Всех ратников угнетало это зрелище.

Бордак же не вмешивался. Княжич поступил совершенно правильно. Он имел на то право как помощник, второй воевода.

Головной дозор шел без остановок. Михайло с Василем видели, как их конники оглядывали те места, откуда могли появиться крымчаки. Однако врага поблизости не было, потому отряд двигался довольно быстро.

Солнце было еще на восточной стороне, когда дозор вышел к возвышенности и встал. Бордак дал команду отряду сделать то же самое. Наверх пешком поднялся Иван Пестов, огляделся, обернулся и подал знак воеводе, попросил его подойти.

К нему отправились и Михайло, и Парфенов. Они соскочили с коней, передали их ратникам, по тропе, сделанной в траве Пестовым, поднялись на вершину. Оттуда увидели сажень в двухстах пожарище. Это было странно, но село Волонино выгорело не все. Несколько дворов остались нетронутыми огнем.

Пестов взглянул на Бордака и сказал:

– Ночные дозорные говорили о дыме с этой стороны. Вот откуда он шел. Непонятно только, почему село не выгорело.

Княжич Парфенов оказался глазастей всех.

– А не выгорело оно потому, что огонь был сбит дождем, – заявил он.

– Но ведь не было никакого дождя, – с недоумением проговорил боярин.

– Не было в лесу, на елани, на которой мы стояли, и до этого места. А далее сажень в ста сухая земля граничит с мокрой. Дождь полосой узкой пролился где-то в начале ночи. Пришел с запада, ушел на восток.

– А ведь ты прав, княжич, – сказал Пестов. – Как же я сам-то этого не увидел?

– Ладно, чего теперь, – произнес Бордак. – Крымчаки сделали свое дело и ушли. Вот только далеко ли?

– Насколько хватает глаз, никого не видать. – Пестов повернулся к Бордаку и спросил: – Какой наказ будет, воевода?

– Пройти дозором мимо села вдоль реки на версту, посмотреть лес, вернуться по его кромке. Времени на это, Иван, у тебя не много.

– Уразумел, исполню! – Пестов поспешил вниз.

Дозор тут же двинулся вперед.

Парфенов подал десятникам сигнал спешиться, сойтись в отряд и ждать. Те все поняли, подвели своих людей к ратникам Рубача.

Воевода с помощником смотрели за дозором, покуда он был виден, не скрылся за возвышенностью.

– Как ты считаешь, жители села сумели уйти от набега? – спросил княжич.

– По-моему, да. В Волонино не могли не знать о нашествии татар, о пожаре на Москве. Поэтому время уйти у них было.

– А если крестьяне подумали, что Девлет разграбит окрестности Москвы и пойдет обратно в Крым?

– Рассчитывать на это было бы глупо.

Парфенов невесело улыбнулся и сказал:

– Мы тоже думали, что Девлет поведет свою орду проверенным путем и на Козельск, как было решено в Бахчисарае, а видишь, что вышло.

– Ничего не было бы, если не наши изменники. Ради собственной выгоды они обрекли на смерть и унижения столько людей. Никого не пощадили. Как по-твоему, Василий, кто хуже? Татары-крымчаки или эти вот негодяи?

– Да наши, конечно же, похуже будут. Крымчаки что? Для них набеги – средство к существованию, а эти?.. Они ведь вовсе не наши. Изменники не имеют ни роду, ни племени. Я бы их давил собственными руками. А еще пищат некоторые вельможи, мол, царь нас притесняет. Да государю этих продажных тварей надо на плаху вести, головы им рубить без пощады, в назидание другим.

– Ладно, смотри на леса.

Парфенов повернулся.

– Да, вижу, ертаул по кромке идет. Три всадника.

- Значит, Пестов двоих в сам лес послал.
- Шустро основной путь прошли. Это говорит о том, что крымчаков дозорные не встретили.
- Они, по-моему, никого не встретили. А ведь должны были выйти хоть какие-то люди из Волонино, из леса, из-за реки.
- Может, они где-то тут и есть, хотели выйти, да нас увидели и опять спрятались. Им и в голову не придет, что орду преследует русская дружина.
- Наверное, ты прав.
- Ертаул вышел из леса и направился к возвышенности.
- Вскоре Пестов поднялся к Бордаку и Парфенову, смахнул пот с лица и доложил:
- Ничего и никого. В село, как ты и велел, воевода, мы не заходили, в округе на версту и более ни единого человека нет.
- Следы?..
- Тех много. От коней, людей, телег, скота разного. Они от села тянутся в сторону соседней деревни.
- От телег и скота, говоришь? – спросил Бордак.
- Да, боярин. Это худо. Значит, жители села не ушли до того, как налетели крымчаки.
- Ну это еще спорно. Сельчане могли в спешке переправиться на другой берег, бросить и повозки, и часть скота. Не до того, когда жизнь в опасности, – сказал Парфенов.
- Дай Бог, чтобы так оно и оказалось, – проговорил Бордак.
- Заходим в село, Михайло? – спросил княжич.
- Да вот думаю, стоит ли всей дружиной туда соваться.
- А чего ее делить-то? Нам чрез село дальше идти, к деревне.
- Коли крестьяне успели уйти на другой берег, то наверняка кто-то из них теперь из ближнего леса смотрит за селом. Большую дружину увидит, испугается и ноги унесет, ну а к малому отряду может и выйти, когда поймет, что мы свои.
- Коли для них остались эти самые свои, – вырвалось у Пестова.
- Бордак взглянул на него и спросил:
- Почему ты так говоришь, Иван?
- А потому, воевода, что люди могут быть злы на царя за то, что он допустил такое разорение.
- Государя-то за что винить? Он сделал все, что мог.
- Кто бы еще народу местному это объяснил.
- Вот мы и объясним. Лишь бы люди к нам вышли.
- Бордак принял решение и озвучил его:
- Мы с тобой идем в село вместе с головным дозором, посмотрим все, показываем себя на берегу. Надеюсь, кто-нибудь да выйдет к нам. И объяснимся, и про крымчаков узнаем, спросим, какими силами они подходили к селу.
- Воевода приказал дружине оставаться на месте, а сам вместе с Парфеновым и головным дозором поскакал к селу. Вскоре всем им стало ясно, что никто к ним не выйдет. Крестьяне не успели уйти. Кони заволновались, почуяв мертвечину. Ратники успокоили их, въехали в село, увидели порубленные тела стариков и старух, младенцев. Полегли и те мужики и совсем молодые парни, которые пытались отбить нападение крымчаков.
- Бордак остановил коня, закрыл глаза.
- Парфенов подъехал к нему и спросил:
- Что с тобой, Михайло?
- Не могу видеть трупы детей и молодых баб. Скажи мне, Василий, почему селяне не ушли на тот берег? Ведь плоты у воды стоят, и лодки. Время у них было, успели бы переправиться, даже завидев крымчаков на той возвышенности.

– Не ведаю, Михайло, но, судя по всему, тут не ждали татар. Мужики своим делом занимались, бабы по хозяйству, дети играли на улице. Мыслю, тут вообще никто не смотрел за подходами к селу. Может, пастухи и заметили крымчаков, да уже поздно было. Странно все это. Как будто крестьяне не знали о том, что произошло на Москве.

– Но трупы-то в реке они должны были видеть. Хотя бы рыбаки.

– Селяне не могли не ведать о нашествии. Они подумали, наверное, что наши полки дали бой, как бывало не раз. А трупы? Ну попали под татар окрестные села. Хотя согласен, странно это. Должны были люди почуять беду.

– Нет, Василий, вернее будет считать, что селяне слепо верили в то, что русская рать отгонит татар от Москвы, и уйдут они обратно в свой Крым не солоно хлебавши. Вот и оставались на селе. Тем более после того, как царь Иван Васильевич Казань взял, Астрахань и западные земли Москве подчинил. Крестьяне не сомневались в том, что чужеземцы к нам больше не придут. Помнишь деревню Песчаную, что недалеко от Чугуева?

Парфенов кивнул и проговорил:

– Помню. Мы тогда по воле Ивана Васильевича за мурзой Икрамом в тех землях гонялись. Песчаную разорили люди этого пса. Вернее, нелюди. Как сейчас помню, проводник, который провел нас до деревни, нашел тело изрубленное своего кума. Там шестерых крымчаки убили, а тут? Страшно даже смотреть. Но надо, Михайло.

– Посмотрим. Я Песчаную-то чего вспомнил. Там такой же тогда запах был, как здесь. Не трупный, а горелый. Значит, крымчаки разорили село день назад, никак не раньше.

– И чего?

– Ничего. Потом об этом! – заявил Бордак и позвал старшего дозора: – Иван!

– Да, воевода, – тут же откликнулся хриплым голосом Пестов.

– Ко мне!

Старший дозора подъехал к боярину и княжичу.

– А чего вдруг захрипел? Где голос сорвал? – спросил воевода.

– Не в голосе дело, – ответил опричник и отвернулся.

Бордак все понял. Бравого ратника, не раз бившегося с жестоким врагом, рубившего его нещадно, душили слезы. При виде убитых селян у него ком в горле встал.

– Ты, Иван, пошли гонца к дружине. Пусть идет сюда.

– Слушаюсь.

Подошла дружина. Опричники посмотрели дома, и целые, и обгоревшие, клети, сады и огороды.

К Бордаку и Парфенову подъехал десятник Огнев.

– Воевода! – обратился он к Михайло. – Мы нашли сорок восемь тел. – Он запнулся, справился с собой продолжил: – Из них только младенцев тринадцать. Восемь мальчиков, пять девочек.

Бордак тяжело вздохнул и процедил:

– Продолжай!

– Стариков восемь, старух двенадцать, девять мужиков, которые бились с крымчаками, и шесть баб. Те все изнасилованы. Село большое, сорок дворов, тут могли жить до двухсот человек. Была и церковь, она сгорела дотла. Остальной народ и весь скот крымчаки увели с собой. Пошли они в сторону деревни Колодка. Остались куры да утки, которых татары не смогли поймать. Мы их побили. С припасами у нас не шибко.

– Побили и правильно сделали. Все одно зверь из леса сожрал бы. Ты мне, Лука, вот что скажи. Сколько, по-твоему, тут было крымчаков?

– Думаю, не менее полусотни, может, сотня.

– Не более?

– Нет. Где-то так, как я сказал.

– И давно налет был?

– Недавно, прошлым днем, когда мы еще на полпути к стоянке были. Татары ушли в сторону деревни, сама туда ведет.

– Что ж они с ясырем пошли еще и на деревню таким малым числом? Если крымчаки тут взяли где-то полторы сотни человек, то только на охрану потребуется три десятка.

Огнев вздохнул и произнес:

– Им бояться нечего, даже если они и оставят при ясыре такую охрану. Деревенских мужиков против них с пару десятков наберется, никак не больше. У крестьян и оружия-то нет. Дубины, рогатины да топоры. С татарами они не управятся, все погибнут.

– До деревни двадцать верст. Если крымчаки тут разбойничали днем, то к ней с большим обозом они могли подойти только вечером. С ходу, уставшие не пошли бы. Сумерки близко, а там и темень. По ночам они не грабят. Значит, в деревню эти нехристи не пошли, встали где-то рядом, а уже с утра напали и на Колодку. Сейчас они должны быть там. Нас разделяют двадцать верст, но идти немедля мы не можем. Надо людей похоронить по-человечески. Выходит, что к деревне Колодка мы выйдем к вечеру. Где в то время будут татары?

Огнев чуть подумал и сказал:

– Если они сразу после разорения деревни двинутся дальше вдоль реки, то... мне бы на чертеж глянуть, воевода.

Бордак достал карту, спешился. Соскочили с коней Парфенов и Огнев, склонились над развернутой бумагой, сориентировались, определились.

– Крымчаки на стоянку ночную с ясырем могут встать вот здесь, в роще. – Бордак указал это место на карте. – Или вот здесь, на краю леса. Это рядом, в десяти верстах от Колодки. Так что у нас получается?

Парфенов взглянул на него и спросил:

– Ты, Михайло, ищешь место, где можно будет напасть на крымчаков?

– А что же еще? Коли их от полусотни до сотни, то мы можем сойтись с ними в сечи. Главное, застать их врасплох, а это, я думаю, нам удастся. Крымчаки чувствуют себя вольготно после сожжения Москвы, считают, что рати русской больше нет, остались только отдельные небольшие дружины вроде нашей. А тут им простор, полная воля. Оттого и не ждут нападения. Это нам на пользу. А ты почему спросил, Василий?

– Я думаю, что до завтрашнего утра крымчаки из деревни не уйдут. Зачем им это делать, если через десять верст вставать на ночевку, причем незнамо где, то ли в роще, то ли у леса, то ли в открытом поле? Полонян надо свести в кучу, хоть как-то накормить и охрану к ним большую приставить. Что это за отдых будет? В деревне же совсем другое дело. Там пленников можно в дома загнать, где и печи, и дрова. Ничего искать и делать не надо. Только баб взять на стряпню. Колодцы есть. Тут и охраны потребуется меньше, и отдохнуть удастся как следует. С утра татары двинутся дальше, к стану основного войска, откуда они и посланы были за добычей. Таково мое мнение.

Огнев погладил бороду и проговорил:

– А ведь княжич прав, воевода. Я как-то о стоянке в деревне не подумал. Там ночевать действительно сподручнее, а сжечь ее они и утром успеют, перед самым уходом. К вечеру и мы дойдем до Колодки. Все разведем, а поутру либо налетим, либо отступим. Это будет зависеть от количества татар. Если их более сотни, то нам никакая внезапность не поможет. Ну а если чуть меньше, то перебьем.

– Это если они останутся в деревне, – проговорил Бордак.

Парфенов кивнул и сказал:

– Останутся, Михайло. Если только мурза или сотник у них не дурак. Мы загодя выясним, как они поступили. Уходя, татары подожгут деревню, значит, дыма много будет. Вот он-то нам все и подскажет.

– Согласен, – сказал боярин, решительно махнул рукой, повернулся к Огневу и заявил: – Передай, Лука, наказ десятникам копать могилы на местном кладбище, сносить туда тела, хоронить. После этого, думаю, нам не до обеда будет. Но ничего, у деревни остановимся, там и поедим. Как захороним тела, идем к Колодке. Ты уразумел, Лука?

– Да тут и разуместь особо нечего. Я к десятникам, да, воевода?

– Давай, мы будем тут. Если что, посылай человека.

– Здесь и голосом позвать можно.

– Или так.

По команде десятников опричники приступили к похоронам погибших жителей села. Со слезами на глазах бывалые воины несли на руках изрубленных младенцев, молодых девиц, стариков, работали споро, без слов. Все понимали друг друга без них. В это время дозор смотрел за округой. Закончились похороны далеко за полдень. Как и думал Бордак, от обеда в деревне опричники отказались. Они просили воеводу быстрее вести их вперед, вдогон крымчаков. Оттого и указания Бордаку было проще давать.

Дружина выстроилась на южной стороне большого села.

– Идем к деревне Колодка. Там, по нашим расчетам, могут встать те самые крымчаки, которые разорили это село. До деревни двадцать верст. К ней мы должны выйти засветло. Слева от Колодки леса, справа – река. Мы встанем на елани, которую найдем там. Оттуда к деревне пойдет ертаул. Потом решим, как будем действовать. Ежели татар в деревне не будет, то встанем на ночевку. Поутру пойдем в погоню за ними. Порядок движения меняется. Дозор головной остается прежним, но за ним пойдет уже десяток Огнева, следом – Грудин, позади – Рубача. Я буду находиться впереди, дабы видеть дозорных. Перестраиваемся по ходу. Головной дозор, вперед!

Отряд Ивана Пестова двинулся из села по сакме, оставленной за собой крымчаками. Ее было хорошо видно. За дозором вместе с Лукой Огневым ехали Михайло Бордак и Василий Парфенов. Далее по разряду, определенному воеводой, следовали десятки.

Дозор задал прежний темп. Местность позволяла это делать, идти по следу татар и обоза, где-то срезать путь, тогда как крымчаки шли строго по реке. Посему отряд вышел к лесу, когда солнце только заходило за вершины деревьев.

Подойдя к опушке, Иван Пестов оставил дозор, жестом подозвал к себе воеводу и его помощника. Огнев передал команду – стоять, ждать. Бордак и Парфенов подъехали к старшему дозора, который уже послал в лес двоих воинов.

– Справа у реки холм. – Он указал на возвышенность. – Если отойти чуть правее, то будет видна деревня. Но лучше с того бугра. Я отправил Карася и Бартова искать елань. Теперь жду твоего распоряжения, боярин.

Бордак кивнул и проговорил:

– Надо выставить дозор на краю леса, смотреть за дорогой, идущей от деревни. Ты, Иван, отряди человека встретить десятки. Пусть встанут левее. Как твои воины найдут подходящую поляну, всем надобно будет идти туда. Но пока мы не подъедем, стан не разбивать. Предупреди Карася или Бартова, дабы провели отряд до елани, коли найдут ее. А нет, так в лесу будем. Уразумел?

– Да, боярин.

– Сам будь на посту, но так, чтобы и нас видел, и деревню.

– Ясно.

Парфенов, находившийся рядом, сказал:

– Если крымчаки в деревне, то наверняка выставили посты охранения и с этой стороны. Они могут заметить нас, если пойдем к высоте верхами.

– А мы пойдем пешком, Василь. – Бордак обернулся к старшему дозора. – Иван, пусть твой человек передаст Грудину, чтобы прислал к нам одного воина. Может понадобится гонец. Идти к холму скрытно!

– Понял. Давайте коней. Я покуда привяжу их к деревьям.

Воевода и его помощник спешили, размялись и двинулись к лесу. Из-за кустов, обрамлявших опушку, посмотрели вперед. Увидели деревню, целую и невредимую, но занятую крымчаками. От кустов они заметили только троих татар. Смотреть дальше мешали дома.

Бордак взглянул на Парфенова и распорядился:

– Теперь быстро подходим к подножию холма, который так удачно расположился здесь.

– А не заметят крымчаки из деревни?

– Пригнемся, нас не будет видно.

– Ну коли так, пошли.

Воевода и помощник перебежали дорогу, укрылись за холмом. Бордак посмотрел на Пестова, который только что подал знак Огневу. Иван поднял руку и плавно опустил. Это значило, что он не заметил в Колодке ничего подозрительного.

Парфенов вытащил из ножен саблю.

Бордак не без удивления посмотрел на товарища.

– Ты чего, Василий? На холм, а не на крымчаков идем.

– А коли наверху дозор татар? Это очень удобное место. Все видно, и своих предупредить можно.

– Верно говоришь. Я бы посадил на холм дозор, но коли так же сделали бы крымчаки, то они уже заметили бы людей Пестова и двинулись бы сюда. Но в деревне тихо. Ладно, поднимаемся.

Боярин и княжич забрались на холм и прилегли за кустами. Бордак посмотрел назад. С той стороны к лесу подходила его дружина. Он повернул голову влево и увидел двух дозорных, которые тут же исчезли в зарослях недалеко от дороги и сакмы. Парфенов между тем смотрел на деревню.

– Ну и чего там, Василь? – спросил Бордак.

– Знаешь, мне кажется, что крымчаки застали деревню пустой.

– Пустой? С чего ты взял?

– Нет скота, коней, даже в уцелевших дворах. Да и жителей не видать. Там только крымчаки. Они сами и воду носят, и дрова складывают во дворах да на улице.

– Да, могли полонян заставить. Не только деревенских. Почему татары этого не делают?

– Да, пленников не видно. У плетней сзади стоят телеги и кони. Табун на лугу рядом с лесом. Этот явно не из деревни. Кони жмутся друг к другу, стоят кучно. Не привыкли к этому месту, оттого и волнуются. Значит, они из села. А коров и овец, захваченных в Волонино, татары уже забили. В деревне их сотня, а то и меньше.

– Это определим. Худо, что полонян не видим. Может, тут встал основной отряд крымчаков, а обоз с полонянами пошел далее?

– Пыль от него была бы видна. Но пока мы подходили, обоз мог уйти далеко. Хоть отмстим крымчакам, коли не в силах освободить полонян.

– Надо бы и то и другое сделать.

– Согласен, но мы не в силах что-либо изменить, только мстить можем.

– И за селян, и за москвичей.

– Может, еще узнаем о наших родных и близких. Не знаю, как тебе, а мне впервые за долгие годы сейчас страшно. Да так, как только в детстве было, когда тонул, а помочь мне никто не мог. Тогда повезло. Не знаю, как уж сумел, но выплыл. Перепугался до дрожи. Вот и сейчас так. Не за себя переживаю, нет. За Алену, Петрушу, Герасима с Марфой да Кольку. Не поверишь, боюсь ехать в твою вотчину. А вдруг их там нет? Тогда с ума сойду.

- Думай о деле. Сейчас тебе, воевода, следует руководить отрядом.
- Да. Ты прав.

Сзади послышался шорох. Воевода и помощник обернулись. Княжич поднял саблю. Появился Богдан Куля, воин из десятка Якова Грудина.

- Воевода, это я, Куля, – сказал он. – Гонцом быть послан.
- Ложись и ползи к нам.

– Угу! – Ратник замер рядом с Бордаком и доложил: – Карась и Бартов нашли елань. Она небольшая, но места для стоянки отряда хватит.

- Далеко от опушки?

– Нет, саженьях в сорока с этой стороны, в двадцати от дороги, от деревни где-то в пятидесяти.

- Удобная поляна. А воины по-прежнему у опушки. Почему так?
- Так десятники туда своих людей отправили, получше осмотреться велели.
- Правильно сделали.

Ратник глянул перед собой и спросил:

- А это и есть Колодка?

– Да.

– Вроде тихо там.

– Тихо не означает спокойно. А тебе придется сразу назад идти.

– Пойду хоть куда, если надо.

– Передашь Огневу, чтобы на елани не распускал десятки и отправил ертаул из пяти ратников к деревне. Задача простая. Надо все посмотреть, обойти Колодку со всех сторон, проведать, там ли полоняне, что с жителями. Пересчитать татар, определить, где они выставили дозоры, имеются ли укрытия на поле у самой деревни.

– Понял, воевода. Позволь один вопрос.

– Давай.

– Мне потом опять сюда прийти?

– Куда же мы без тебя, Богдан? Конечно, воротиться надо и из еды взять чего-нибудь. –

Бордак взглянул на Парфенова. – Ты как, Василь, голоден?

– Не особо. Мы же не будем сидеть тут до утра?

– Кто знает, может, и будем.

– А толку с того?

– Поглядим. Ступай, Богдан, не надо еды.

– Понял.

Ратник отполз назад, спустился с холма и вышел к лесу. Он увидел там только Пестова да дозорных Федора Вергу и Егора Ступу. Те показали ему на опушку. Дружина уже вошла в лес.

Богдан легко нашел тропу, вскоре подошел к десятнику Огневу, исполнявшему обязанности старшего дружины в отсутствии воеводы и его помощника, и сказал:

– Лука, боярин велел тебе отправить ертаул к деревне, отрядить в него пять ратников.

Задание...

– погоди, – остановил его десятник. – Поначалу я определюсь с ертаулом, потом объяснишь воинам задание. Чего передавать через меня, коли можно напрямую.

– И то верно. Определяйся.

– Ожидай тут.

Огнев подозвал к себе Владимира Гранова, Семена Зорина, Бориса Талого, Зосиму Горбушу и Бориса Агранова.

Опричники подошли к нему и услышали:

– Тут такое дело, ратники. Воевода наказал отправить к деревне малый ертаул. Собрать его поручил мне. Я выбрал вас, самых опытных в этом деле. Старшим будет Гранов. Вот Богдан Куля, он объяснит задание.

Ратник сделал это.

– Что ж, – проговорил Гранов. – Нам не впервой, сделаем. Сколько времени у нас на это?

– Воевода об этом не говорил.

– Значит, не уходим от деревни, покуда не выполним наказ. Выходить немедля?

– Да, – сказал десятник. – Отправляйтесь пешими, ребята.

– Это понятно. Не гарцевать же на конях пред татарами. Еще один вопрос.

– Ну?

– Коли попадутся под руки крымчаки, бить их?

– Лучше обойтись без этого, но коли другого выхода не будет, то бить и тела прятать, чтобы до утра не хватились.

– Ладно. Идем, – сказал Гранов опричникам ертаула.

Вскоре небольшой отряд вышел на восточную сторону лесного массива. До деревни отсюда было всего двадцать саженей.

Гранов взглянул на Зорина и сказал:

– Семен, это твое место. Проскользнешь тихо к опушке, устроишь лежбище и будешь смотреть за деревней. Навоз конский не забудь выставить пред собой, а то собаки тебя учуют. Странно, что татары их не перебили.

– Да, сделаю.

Пред выходом Горбуша набрал навоза и раздал его по пути ратникам. Все они знали, что это надежная защита от собак.

Зорин осторожно пошел к деревне.

– Идем дальше, – распорядился Гранов, саженей через десять указал на Горбушу и проговорил: – Тебе, Зосима, следует тут сделать то же самое, что и Зорину.

– Уразумел, ухожу.

С остальными ратниками Владимир пошел в обход деревни. Они обогнули Колодку по балке, что тянулась из леса до самой реки.

Потом Гранов поднялся по склону и тут же спрятал голову. В десяти саженях от него располагался загон, в котором сидели, лежали и стояли полоняне. Пересчитать их не было никакой возможности. Подойти тоже, потому как их охранял десяток крымчаков. Они объезжали загон, плетками отгоняли людей от городьбы. Это делали пятеро татар. Все прочие расположились на стороне деревни. Они разожгли костер, коней привязали к кольям изгороди, расселись вокруг огня и жарили на вертелах куски мяса. Уже стемнело, и задача ертаула усложнилась.

Вдруг внизу раздался приглушенный вскрик. Гранов напрягся, глянул на загон и убедился в том, что охранники ничего не услышали. Он обернулся и увидел, что Талый и Агранов навалились на какого-то мужика.

«Неужто крымчак из охраны?» – подумал Владимир и спустился в балку.

Оказалось, что опричники повязали не татарина, а обычного русского мужика. В стороне валялся топор.

Талый выпрямился и сказал:

– Хорошо, что заметили мы этого лешака. Выскочил из канавы и прямо на нас с топором бросился. Отбились, скрутили.

– И кто он?

– Не знаю, но думаю, что местный. Увернулся от татар.

– Подымите его.

Агранов поднял мужика, руки которого были крепко связаны сзади.

– Ты откуда тут взялся? – спросил Гранов.

Тот недоверчиво осмотрелся и проговорил:

– Свои, что ли?

– Это кому как. Отвечай, кто ты и зачем тут.

– Ну да, точно свои. Вы откуда объявились? Да развяжите, бугаи. У самого силы немало, а вы вон как ловко и топор выбили, и уложили на землю. Обучены, стало быть.

– Ты от ответа не уходи!

– Да из деревни этой я, Ипат Волин.

– Сумел уйти от крымчаков?

Мужик посмотрел на ратника и сказал:

– Так вся деревня на тот берег ушла.

Воины переглянулись, и Гранов спросил:

– Как ушла?

– Обыкновенно. Прознали про татар, похватили скарб, сколько унести можно, скотину, коней, да к плотам и к тому берегу. А там в лесу у нас острожек заранее подготовлен.

– А как прознали про крымчаков? – поинтересовался Агранов.

– У нас мужик был на селе. Как раз только выехал, так татары и объявились. Поглядел он, что творят изверги, да в деревню галопом. Голова наш Федор Баксин тревогу поднял, вот все и ушли.

– Слава Богу, что хоть деревня не пострадала.

– Как это? Это пока крымчаки стоят в деревне, они ее не трогают, а завтра пожгут все, отстраивайся потом заново. Так что еще как пострадает.

– Главное, в полон вас не взяли.

– Это так. Я смотрел на бедолаг из села. И жалко мне их, особенно детишек да девиц, а чего поделать? Но решил отомстить. Задумал хоть одного татарина зарубить. А то ведут себя как хозяева.

– Что бы ты один сделал? – спросил Гранов.

– Сказал же, хоть одного, но прибил бы.

– Ладно. Ты давно здесь?

– Да еще после обеда через реку переправился и в эту балку зашел. Смотрел, как обу-
страиваются крымчаки.

– Это хорошо. Значит, видел многое, чего сейчас уже не разглядеть.

– Да как сказать. Видел кое-что.

– Поделишься?

– Так вы все одно заставите.

Талый усмехнулся.

– Догадливый.

Гранов велел ему смотреть за деревней, сам же продолжил разговор с мужиком:

– Ну и что видел?

Мужик почесал затылок и заявил:

– Ты сначала скажи, кто вы будете? С виду ратники, только откуда здесь?

– Узнаешь. Всеу свое время. Отвечай на вопрос.

– Что видел? Крымчаков, полонян из села, которых посадили в загон, да все, что проис-
ходило в деревне. Отсюда она хорошо видна. Старший у них их сотник Айтуан, коли не путаю.
Так вроде его называли степняки. Он и помощник его встали у головы Баксина, это вторая
изба от загона по правой отсюда стороне. Десяток сразу у загона с полонянами остался. Другие
крымчаки начали скотину, что с собой привели, резать, мясо готовить. Молились дважды всем
скопом на площади для схода. Тогда я и посчитал их.

– Где научился счету?

– Ты думаешь, если мы деревенские, то мужики неразумные? У нас голова грамотный. Я обучен не только счету, но и чтению. Еще отец учил. Только писать не могу, это для меня дело темное. Тут крымчаков шесть десятков.

– Точно?

– Смотри за деревней, проверь.

– Лады. Поверю. Шесть десятков. Где они? Один возле полонян. А тех сколько, не ведаешь?

– Знаю и о них. Из села крымчаки пригнали сотню, еще десяток и двух человек. По домам разобрали десятка два девок и баб, сотнику с помощником отвели двух молодых. Значит, в загоне менее сотни.

– Стало быть, сотник, ты говоришь, во второй избе от загона?

– Угу.

– Там и охрана?

– Про то не знаю. У загона она есть.

– Мы ее видели. Спасибо тебе. Вот только не могу понять, как ты собирался крымчака зарубить.

Мужик злобно ухмыльнулся и проговорил:

– Я тут шум поднял бы. Десятник, который отвечает за охрану полонян, послал бы сюда одного или двух своих татар, велел бы им поглядеть, что тут да как. Вот их-то я и встретил бы ласково.

– Одного зарубил бы, а второй прибил бы тебя.

– Это как Богу угодно. Но думаю, что справился бы. На берегу меня старший сын в лодке ждет. Рекой ушли бы.

– И показал бы сотнику, куда делись жители деревни.

– Нет, мы ушли бы дальше по течению, а в версте излучина, там затон, в нем трава высокая. Вытащили бы лодку на берег и до своих дошли бы.

– Сын, говоришь?

– А как же. У меня все как у людей. Жена работающая, пригожая, два сына и две дочери. Семья добрая, дружная.

– Ты пошел на это, имея семью?

– Иначе не мог. Должен же кто-то бить татар, коли полки царя Ивана Васильевича с ними не справились, позволили нехристям грабить земли наши, защищали только Москву.

Гранов вскинул глаза на мужика и спросил:

– А ты не знаешь, что с Москвой стало?

– Нет. Того у нас никто не ведает. Вот только отчего-то трупов по реке плыло много, теперь поменьше. Но голова наш говорил, что это может быть из-за разбоя крымчаков на подходе к Москве, у реки.

– Это тела людей, погибших в городе.

– Боже милостивый, спаси и сохрани! Что ты такое говоришь? С чего из Москвы? Или... – Он замолчал, испугался собственной догадки.

Гранов тяжело вздохнул и сказал:

– Да, Ипат Волин, беда на Москве большая. Такая, какой никогда и не было.

– Неужто ворогу царь столицу свою сдал?

– Нет, Ипат. Москву не сдали. Она вся выгорела.

– Как же?..

Гранов поведал мужику о том, что случилось в столице.

Мужика словно столбняк хватил. Он стоял, глядел на ратника и часто моргал.

– Эй, Ипат! – окликнул его Гранов.

Тот пришел в себя и пробубнил.

– Вот так дела! Это что же, нет теперь Москвы?

– Сплошное пожарище.

– Так вот почему столько тел в воде. Люди пытались спастись, река и приняла их. Беда. На деревне узнают, не поверят.

– Ничего, Ипат, Москву отстроим. Я думаю, что вы всей деревней должны туда идти. Там теперь рабочие руки очень нужны. Но это не мое дело.

– Так кто вы?

– Дружина, которая выполняла наказ царя. Мы должны были бить татарам в спину, когда они осадят город. Да вот не случилось встретить их на Москве. Пошли вдогон.

– Вот как. Дружина, значит?

– Дружина. Особая, опричная.

– Да ладно.

– Почему не веришь?

– Так про опричников... – Мужик замялся, осторожно глянул на Гранова.

– Знаю, что у тебя на уме. Пугали вас вельможи московские опричниками?

– Не хвалили их. Тут вотчина боярина Сухина. Так он и его люди, которые наведывались сюда каждое лето, кроме этого, говорили, что лютуют опричники, невинных людей хватают, к себе на двор или в слободу свозят, там в котлах живыми варят.

– И вы поверили?

– Как боярину не верить да челяди его?

– Понятно. Значит, мы хуже крымчаков?

– Я того не говорил.

– Но думал, да?

– Нет.

– Думал. А зря. Мы уже какой год исполняем указы царя и больше сталкиваемся с татарами, а не с боярами. А знаешь ли ты, Ипат, что Девлет-Гирей не собирался на Москву идти, хотел земли южные разорить да с ясырем убраться восвояси? На Москву же его наши продажные бояре да дворяне и направили, показали обходную дорогу.

– Не может быть.

– Так оно и есть. Перехватили мы один такой обоз боярина продажного, да ушел он. Взяли только дворянина из свиты его. Он-то и поведал о предательстве. Немало таких изменников в Крым подались. Вот и скажи мне, Ипат, что царю следует делать с такими вельможами, которые совесть и родину продают?

Волин ответил сразу, не задумываясь:

– На плаху, да головы им рубить нещадно.

– Что Иван Васильевич и делает. А бояре, которые только о себе пекутся, царя нашего опорочить желают и делают это, сеют слухи о зверствах опричников. Не верь им.

Мужик был в полной растерянности.

– И чего мне теперь делать? – спросил он.

– Сколько домов в деревне?

– С лесной стороны десять, с речной – семь.

– Всего семнадцать?

– Так.

– Крымчаков шесть десятков, один из них на охране полонян. Еще пятеро татар в охранение выйти могут. Значит, в каждом доме и четыре человека не будет. Так получается?

– Татары заняли десять домов, по пять с каждой стороны, считая от загона. Дальше избы пусты.

– Сам видел?

– А кто бы мне об этом рассказал?

– Тоже верно. Хорошо, спасибо. Чего тебе делать? Будь пока тут, только сходи на реку, передай сыну, чтобы спрятал лодку и сидел скрытно на берегу.

– Угу, уразумел.

– Ступай.

Мужик ушел балкой.

– Пойдем наверх, – сказал Гранов Талому.

Они поднялись к Агранову, и старший ертаула спросил:

– Что тут, Борис?

– Да то же самое, что и было. Загон, пленники, охрана. Недавно баб и девок десятка полтора татары привели из деревни.

– С чего бы это? Странно, но хорошо. В охране полонян тот же десяток?

– Да. А вот дальше ничего не разобрать. Придется заходить с речной стороны.

– Не придется. Мужик рассказал все, что нужно.

– И что мы теперь делаем?

– Отходим к стану.

– Кто за наблюдателя останется?

– Мужик из деревни.

– Ты так надеешься на него?

– А что? Он такой же русский, православный, как и мы. Не стал оставаться в лесу, сюда пришел, хотел загубить хоть одного татарина. Ему можно доверять.

– Ну не знаю.

– Я знаю, Борис. Еще Горбушу тут оставим.

– Это другое дело.

– Отползаем.

Ратники спустились в балку.

К ним подошел Волин и сказал:

– Исполнил наказ. Сын в кустах, чуть ниже по течению. Как о Москве услышал, едва не заплакал, а когда я сказал о дружине, обрадовался, просил взять с собой. Пришлось отказать.

– Это правильно, – заявил Гранов. – Дело к тебе, Ипат, есть, очень важное.

– Слушаю.

– Нам надо уйти. Вернемся мы сюда всем отрядом. Ты посмотришь за деревней и особо за загоном?

– Зря спрашиваешь. Сделаю все, что надо. Можешь положиться на меня.

– Смотри, чтобы татары тебя не заметили.

– Не заметят. Только обещай, ратник, что возьмете меня рубить татар в деревне. Я пригожусь. Деревню-то как свои пять пальцев знаю, да и исполнить должен то, что обещал самому себе и всему деревенскому народу, – прибить до смерти хоть одного чужака.

– Это решит воевода.

– Попросишь его за меня?

Опричник, может, впервые за последние дни улыбнулся.

– Ладно, попрошу, – сказал он.

– Благодарствую.

– Не на чем. Да и рано пока благодарить. Я не могу знать, что решит воевода, а он у нас строгий, боярин. А в помощниках у него княжич.

– Это чего?.. Неужто такие вельможи воюют вместе с дружиной?

– Они нами и начальствуют.

– А я думал, бояре, как наш Борис Борисович Сухин, в теремах на Москве живут и простого люда до себя не подпускают. Важничают. А оно, оказывается, бывает и по-другому. А что, боярин и княжич тоже опричники?

– Нет.

– Это как можно? Земские опричниками начальствуют?

– Можно, Ипат. Боярин с княжичем не простые вельможи, а ближние к государю люди.

– Да что ты?

– Слово даю.

– Чудеса. Так скажи им, что Ипат Волин сторожит врага, глядит за полонянами и желает биться с татарами до смерти.

– Скажу. Да и ты с ними поговорить сможешь, они простым людям не брезгают. В походе повсюду впереди. И в сече бьются вместе с ратниками.

– Ты меня еще больше удивил.

– Вот так! Ну давай, ты гляди тут. Мы пошли. Но скоро вернемся.

– Угу. Не волнуйся, ратник, все сделаю так, как надо.

Гранов повел трех воинов в лес.

Зосиму Горбушу он оставил смотреть за деревней. Тот сказал ему, что правая часть деревни пуста, в избах там никого нет. Это уже было известно старшему ертаула. Еще он доложил, что на северной околице татары держат пост, в нем два человека. Еще пара у второго дома ближнего ряда, у дома, где встали сотник и его помощник.

Ратники отдыхали на кромке елани, все в доспехах, при конях и оружии.

Посредине поляны на бревне сидели Бордак и Парфенов. Они говорили о своих личных заботах.

Дозорный, который был выставлен на южной стороне елани, дал отмашку, и чрез малое время на поляну зашли четверо ратников ертаула. Гранов пошел к воеводе, остальные отправились к своим, в десяток.

– Ну и что ты узнал, Владимир? – спросил старшего ертаула Бордак.

– А вот послушай, воевода.

Он не торопясь, с толком, подробно рассказал о том, что ратники видели сами и услышали от мужика.

Проведав о том, что жители деревни успели уйти от крымчаков, воевода и помощник облегченно выдохнули.

– Слава тебе, Господи, хоть этих минула участь полонян, – проговорил Бордак.

Все трое перекрестились.

Парфенов передал Гранову ветку, заранее сломанную и заостренную, расчистил небольшую площадку перед бревном.

– Делай чертеж деревни, Владимир.

– Сразу не соображу, да и темно.

Несмотря на то что небо было чистым, света луны и звезд не хватало.

Княжич не стал никого тревожить, достал кресало, кремь и трут, выдернул из-за бревна пучок прошлогодней травы, развел огонь, подбросил в него сухих веток.

Владимир Гранов начал чертить и объяснять:

– Вот река, балка, десять изб от леса и семь от реки. Здесь загон. В нем более сотни полонян. Вот в этом доме отдыхают сотник татарский с помощником, с ними пара ратников на охране и посылах да две молодые бабы. Крымчаков шесть десятков, один из них вокруг загона. Думаю, несколько человек будут дозорную службу нести.

Он упомянул про Ипата Волина, с его слов рассказал о размещении крымчаков по дворам.

Бордак выслушал его и сказал:

– Спасибо тебе, Владимир. Теперь ступай к своим да позови к нам десятников.

– Мужик помог. Без него мы еще сидели бы вокруг деревни.

– И его отблагодарю.

– Он просил взять его с собой на татар. Мол, я должен зарубить хоть одного. Очень просился.

– Ладно, я решу, разрешить или нет. Ступай.

Опричник Гранов ушел, подошли десятники.

Бордак предложил им:

– Садитесь прямо на траву, пока тепло, да не затрите чертеж на земле. – Десятники опустились на корточки вокруг схемы, и воевода продолжил: – Вышло так, что крымчаки залезли в избы, выставили дозор на околице и один десяток на охрану полонян, которых собрали в загоне на конце деревни. Предлагаю напасть на них ночью. До рассвета мы можем вообще всех крымчаков перебить, полонян освободить. Как кто думает, десятники?

Лука Огнев, Фома Рубач и Яков Грудин ответили, что согласны.

– Тогда так. – Бордак начал объяснять каждому, что делать.

Парфенов подбрасывал хворост в костер.

Десятники выслушали воеводу.

– Вопросы ко мне есть? – спросил Бордак. – Ежели нет, то готовьте воинов. Я пойду с Огневым, буду и с Рубачом, княжич Парфенов – с Грудиным. Выход к деревне и готовность к бою – один крик кукушки. Нападаем после троекратного крика или моего распоряжения, отданного голосом. Все, ступайте.

Воины быстро окружили деревню. Коней, в которых сейчас не было нужды, они оставили на опушке леса.

Бордак с отрядом Рубача вышел в балку.

По откосу спустился мужик, снял шапку.

– Я извиняюсь, конечно, но ты и есть боярин, воевода?

– Да, а ты, стало быть, Ипат Волин?

– Он самый.

– Мне ратник мой говорил, что ты желаешь бить татар?

– Слов нет передать, как желаю, боярин. Не гони ты меня, дай отомстить басурманам за сожженное село, за убитых стариков и младенцев.

Бордак взглянул на десятника и распорядился:

– Фома, возьми мужика к себе.

– Понял.

– Благодарствую, боярин. А как звать-величать тебя, чтобы потом молиться за твое здоровье?

– Молись за царя и все воинство его, а зовут меня Михайло Алексеевич.

– Благодарствую еще раз, Михайло Лексеич. Чудно мне, боярин, высокий вельможа, а как простой ратник. А воин твой говорил, что в дружине и сын князя есть.

– Есть. Помощник мой. Он тоже будет громить татар.

– Вот и говорю, чудно.

Рубач взглянул на мужика и спросил:

– Ипат, ты воевать желаешь или с боярином лясы точить?

– Воевать.

– Будь рядом со мной.

– Слушаюсь.

Бордак с Рубачом поднялись по склону балки. Воевода увидел загон, в котором толпились люди. Вокруг них – пятеро всадников с плетками, при саблях, в доспехах. Еще пятеро сидели и лежали возле костра.

Крикнула кукушка от реки. Парфенов с Грудиным сообщили, что вышли на край леса, видят дозорных.

Огнев уже был в лесу рядом с ближними дворами, готовый к атаке.

Бордак обернулся, кивнул одному из ратников.

Тот трижды крикнул кукушкой, подал сигнал Парфенову.

Княжич взглянул на десятника и распорядился:

– Давай, Яков, высылай воинов бить вражеский дозор, да тихо, чтобы в охране полонян и во дворах не услышали.

– Лопырев, Гринько! – позвал Грудин.

Опричники знали, что им предстоит делать.

– Вперед, воины! Как справитесь с постом, уходите сразу за ограды крайних домов, – сказал им княжич.

Опричники двинулись к опушке. Там на бревне сидели двое крымчаков. До них было сажень десять.

Лопырев посмотрел в сторону деревни и загона.

– Никого. Ну что, Степан? – обратился он к напарнику. – Рубим татар?

– Рубим, Игнат.

Ратники вытащили из ножен сабли, бросились к крымчакам.

Те увидели русских слишком поздно, не успели ни сигнал тревоги подать, ни достать свои сабли, как были порублены.

После этого Лопырев с Гринько метнулись к ближнему двору, встали у плетня.

Игнат Лопырев поднял руку и резко опустил ее, подал сигнал княжичу и десятнику, что дело сделано. Хотя в этом не было никакой необходимости, Парфенов и Грудин все видели.

Княжич перебежал улицу, разделявшую деревню. За ним Грудин и все остальные. Они прошли задами два двора. В следующей избе и в других четырех находились татары. Их сотник с помощником остановились в левом ряду, но то была забота воинов Луки Огнева.

Бордак видел, что отряд Грудина уже действует. Огнев тоже. Но перед атакой основных сил татар требовалось разгромить охрану полонян и удержать их в загоне.

– Ипат! – позвал воевода.

– Да, боярин, – тут же отозвался Волин.

– Поди сюда!

Мужик подполз, лег рядом.

– Слушаю, боярин.

– У тебя знакомцы на селе были?

– А то как же, были, конечно. И знакомцы, и родственники дальние. Горян Старый, Иван Боров, Игнатий...

– Хватит. Значит, смотри. Воины сейчас скрытно подойдут к крымчакам, которые охраняют полонян. Одни к костру, другие к конным. Ударят на них. Ты будешь с десятником. Когда перебьют охрану, ты подойдешь к загону и передашь через знакомцев и родственников, чтобы полоняне не суетились, не шумели и оставались на месте до моего распоряжения. Скажешь, что у деревни дружина. Скоро все будут на свободе. Пусть пока сидят в загоне, а то выскочат на радостях и все нам испортят. Сделаешь?

– А то! Конечно, сделаю, коли наказываешь, но потом пойду с ратниками.

– Добро, договорились.

– Так я пошел к десятнику?

– Он сам сейчас будет у балки, пойдет рядом со мной, ты с ним.

Мужик кивнул седой головой, шмыгнул носом, сильнее сжал топориче.

Бордак поднял руку.

Рубач принял сигнал и подал команду:

– Начали!

Ратники поднялись по склону балки, залегли, достали сабли, ножи. Рядом с десятником устроился мужик с топором.

Рубач взглянул на него.

– Только тихо, понял?

– Угу.

– Вперед!

Ратники Рубача начали продвигаться к загону, используя высокую траву, канавы, кочки. Пятеро опричников, которых вел Иван Пестов, прокрались к костру, залегли в траве, саженьях в трех от крымчаков. Трое конных стояли у загона со стороны балки. К ним двинулись лучники. Рубач с мужиком и остальными ратниками проскользнули к ближнему двору, обошли двух других всадников, о чем-то говорящих между собой.

Рубач поднял руку, и на крымчаков пошли со всех сторон опричники десятка.

Конных со стороны балки сбили лучники. Три стрелы точно легли в цель. Лошади шарахнулись, сбросили с себя тела сраженных татар.

Еще двоих длинной жердью, прихваченной с собой из леса, скинул с седел Егор Ступа. Федор Верга мигом зарубил их.

Крымчаки у костра ничего не успели понять, как на них налетели пятеро воинов. Татары завалились на бок и забились в судорогах.

Все это видели полоняне.

Рубач толкнул мужика и заявил:

– Давай к селянам, успокой их и беги за мной, если хочешь успеть прибить хоть одного крымчака.

– Угу, я мигом.

Появление деревенского мужика во многом предопределило исход схватки. Не будь его, полоняне, почуяв свободу, наверняка рванули бы из загона и подняли бы невообразимый шум, который предупредил бы крымчаков об опасности. И тогда, если они успели бы занять оборону в домах, выгнать их оттуда было бы невозможно. Хуже того, они сами быстро поняли бы, что подверглись нападению дружины числом всего в три десятка, и перешли бы в наступление.

Но Ипат Волин сделал то, что поручил ему воевода. Он успокоил людей, узнавших его, и кинулся за десятником, который выводил свой отряд на улицу.

Лука Огнев и Яков Грудин увидели, что пост на дороге снят, охранники полонян перебиты, и бросили свои десятки на дома.

Опричники врываются в избы и заставали крымчаков спящими. Те держали оружие рядом, но воспользоваться им не смогли. Опричники рубили их налево и направо.

Лука Огнев и два ратника заскочили во второй дом.

На входе им подвернулся перепуганный крымчак. Он что-то закричал дурным голосом и тут же рухнул на пол с окровавленной головой. Его сбил один из опричников.

Татарский сотник с помощником остановились в самом большом доме со светлицей и двумя спальнями. Огнев указал ратникам в стороны, сам же рванулся прямо, в светлицу. Бордак не отставал от него.

Дверь напротив распахнулась, из нее в коридор вылетел татарин с саблей. Десятник отбил его удар, а Михайло рубанул врага по голове, и тот рухнул на деревянный пол. Воевода и Огнев вломились в светлицу и мигом прикончили пару татар, спавших на полу. Две молодые полонянки, не очень-то хорошо прикрытые одеждой, кинулись в угол и онемели от страха.

– Прикройтесь, девоньки, и не стыдитесь. То не позор, когда силой, – сказал боярин. – Здесь мы управились, десятник. Пойдем дальше.

Но идти было уже некуда. Дружинники перебили всех татар, спавших в домах. Исполнил свое обещание и Ипат Волин. Он зарубил топором двух крымчаков и теперь ходил по улице, довольный и гордый собой.

– Ипат! – окликнул его Бордак.

– Я, – мигом отозвался мужик.

– Поди сюда.

Волин подбежал к нему.

– Слушаю, боярин.

– Ступай к полонянам, скажи, пусть выходят из загона, да спокойно, без суматохи.

– Куда выходить, боярин?

– Сюда, на улицу.

– Угу, сейчас. Это дело доброе.

Вскоре улицу заполнили освобожденные жители села.

Парфенов наказал им встать семьями вдоль плетней дворов, ближних к реке.

Те так и сделали.

Бабы и дети плакали, мужики отводили взгляд.

– Люди! – обратился к ним Бордак. – Басурмане взяли вас в полон, убили многих родных и близких. Мы шли следом, о разбое узнали, когда ваше село уже было разорено, догнали татар и побили их всех до единого.

– А кто вы такие? – донесся молодой мужской голос с края толпы.

– Мы – особая опричная дружина царя Ивана Васильевича.

Воевода слышал обрывки фраз:

– Опричники, гляди-ка!

– Вот они какие.

– Не страшные.

– Отменные ратники, раз с ходу малым числом порубили всех проклятых басурман.

Бордак поднял руку и продолжил:

– Вы свободны, люди. Здесь среди нас есть житель этой деревни Ипат Волин. Благодаря ему нам удалось застать татар врасплох, да и сам он зарубил топором двух басурман. Ипат приведет сюда жителей этой деревни. Вместе порешите, как быть дальше. Помогайте друг другу. Мне тяжело о том говорить, но должен сказать. Девлет-Гирей вышел к Москве не там, где его ждали. Полки успели встать в оборону, но крымчаки подожгли посадки. И то бы ничего, но налетел ураган, и Москва сгорела дотла. Погибли многие тысячи мирных людей. Одни сгорели, другие потонули в реке. Это великая беда для Руси. Посему думаю, что не следует вам отстраивать новое село. Надо идти на Москву, ставить новый стольный город. Но то решите сами. Мы же сделали свое дело тут, теперь пойдем дальше вдогон за татарами и будем бить эту нечисть, даже если у нас останется хоть один воин. Это опричная дружина, люди. Знайте о том. – Бордак подозвал к себе Волина. – Давай, Ипат, начальствуй тут с головами селений. А мы уходим.

– Отдохнули бы, боярин. Да и припасов у вас нет ничего, только в сумах.

– А ты как то увидел?

– Увидел вот.

– И что?

– А то, что наши деревенские, как придут, хоть птицу побьют, солонину из погребов достанут. Для спасителей ничего не жалко.

– Вам самим харч потребен. Мы возьмем то, что было у крымчаков. Нам хватит. Потом еще добудем. За предложение спасибо.

– Это вам спасибо, воины опричные. Теперь о вас люди узнают. У нас на Руси вести разносятся быстрее любых птиц.

– Это хорошо. Но все, пора нам. Удачи.

Бордак наказал опричной дружине собирать провизию, оставленную татарами в избах, набить сумы, лишнего не брать.

Как только это было сделано, опричники двинулись вдоль реки. Через пять верст Парфенов отправил в лес разведчиков. Те нашли елань. На ней дружина встала для отдыха.

Утром 27 мая опричники направились к вотчине Парфенова.

Вновь заныло сердце у Бордака. Он и желал, и боялся прийти в село Стешино.

Дорогу с переправой дружинники одолели за день, шли открыто, выставляли охранение спереди и сзади, слева и справа. Встали они в роще, в полуверсте от Стешино.

Таков был приказ воеводы.

– Почему ты велел остановиться, Михайло? – спросил княжич. – До села рукой подать.

– Погоди, Василь, давай издали посмотрим.

– А чего смотреть-то?

– Ну как тебе сказать. В порядке село или как?

– Да почему, Михайло? Я не узнаю тебя.

– Я сам не узнаю себя, Василь. Не веришь, до дрожи в членах боюсь. А если и твое село разорили крымчаки?

– Не должны были. Они ведь к Рязани пошли.

– А если там нет Алены с Петрушей?

Княжич не выдержал.

– Да что ты как мальчишка неразумный и боязливый, право слово? Тебе ли, не раз смотревшему смерти в глаза, бояться?

– Все так, недостойно это, но успокоиться не могу.

– Тогда вот что. Ты оставайся тут, а я с дружиной проеду в Стешино. Оттуда гонца тебе пришлю. Майся один.

– Нет, Василь, давай иначе поступим. Дружину здесь оставим и вдвоем поскачем на село.

– Это другое дело. Я сейчас.

Парфенов подозвал к себе десятников, объяснил им суть дела и попросил, не приказал:

– Вы уж тут постойте. Если на селе все в порядке, то мы пришлем к вам мужика какого-нибудь, лады?

– Какой разговор, Василий Игнатьевич, – за всех ответил Огнев.

– Поехали мы. Господи, спаси и сохрани, помоги нам. – Парфенов перекрестился.

То же самое сделали и десятники.

Княжич подъехал к Бордаку.

– Скачем, Михайло!

Воевода с помощником галопом пошли к Стешино.

Их увидели издали. За изгородью появились мужики с кольями, рогатинами, саблями и бердышами. Были у них и две пищали.

– Стража на месте, – крикнул на ходу Парфенов. – Значит, не было тут крымчаков. Вот первая хорошая новость.

Они подлетели к воротам. Мужики узнали молодого хозяина.

Новость тут же пронеслась по селу:

– Княжич приехал!

За ворота вышел ключник Николай Белан, в кольчуге, с бердышом.

– Василий Игнатьевич! А мы ждали, думали, где же ты. А вот он. Доброго тебе здоровья.

– Тебе тоже, Николай. Скажи, ладья из Москвы приходила?

– А как же, пришла.

– С кем?

– Там и прислуга твоя, и, само собой, кормчий. Еще боярыня на сносях с мальчонкой и прислугой.

– Боярыня? Где она, ключник? – спросил боярин.

– Кто именно, воевода?

Ключник угадал в Бордаке вельможу. Вместе с княжичем мог приехать только человек, равный ему по чину или даже превосходящий его.

– Боярыня с сыном.

– Так они тут? – прохрипел Бордак и увидел своего ключника Герасима, бегущего по улице.

Он соскочил с коня и сквозь толпу, с недоумением глядящую на происходящее, бросился ему навстречу.

Они сошлись.

– Михайло Алексеич, родной ты наш, живой!

– Герасим! Где Алена, Петруша?

– Да тут они. Уже, наверное, знают, что ты приехал.

– Веди быстрее.

– Так ты давай на коне. Дом княжича на другом конце, прямо у реки стоит.

– Я покажу. Едем, Михайло! – сказал Парфенов.

Всадники буквально пролетели по улице и резко осадил коней у ворот, за которыми красовался терем.

Михайло соскочил с коня и увидел Алену.

Та без сил опустилась на лавку, поддерживаемая Марфой. К матери подбежал Петруша. Бордак бросился к жене, рухнул на колени, припал к ее ногам.

– Родная моя, ты жива! Счастье-то какое!

– Михайло...

Она хотела так много ему сказать, но не смогла.

Парфенов как родных обнял своего городского ключника Андрея Серьгу, стряпуху Варвару, кормчего Демида Глухова.

– Как вам удалось уйти из Москвы? – спросил он.

– Бог милостив, все обошлось, – сказал Серьга. – Забрал я семью Михайла Алексеича с челядью да повел на ладью. В то время огонь был уже совсем рядом. Люди бежали от него, старались спастись в реке. Отошли мы от берега, и тут началось. Лодки налетали друг на друга, тонули. Кормчему Демиду Глухову да ребятам-гребцам спасибо сказать надо. Вывели они ладью ближе к другому берегу и пошли. Признаюсь, я очень уж беспокоился за боярыню Алену. Она же должна родить скоро, а тут такое! Ей Марфа помогала, Герасим оберегал. Я и не помню, как вышли на свободную воду. Но выбрались. А потом уже шли спокойно. Одного боялись. Придем в Стешино, а там татары. Или они уже были, разорили село да ушли. Как только вспыхнули посадки, Демид перенес в ладью кое-какие пожитки, припасы. Того хватило бы дня на два, не более. Но и тут, слава Богу, обошлось. Село не занято татарами оказалось и не разоренным. Встретил нас ключник Николай, на подворье провел. Народ набежал, расспрашивал, что да как на Москве. А там!.. Боже упаси еще раз такое увидеть. В общем, сгорело все. С реки видно было, как огонь пожирает дома. Вот так мы и ушли. А ты, княжич? Как удалось выжить?

– Это длинная история. Потом как-нибудь расскажу. О подворье не кручинься. Новое возведем и дом больше прежнего поставим. А пока и тут всем хорошо.

– Татар боимся, Василий Игнатьевич.

– Не придут сюда крымчаки. Они на Рязань всей ордой пошли. Как разорят тамошние земли, двинутся на юг, к себе в Крым. Мы за ними шли, оттого и знаю. В полуверсте отсюда в роще дружина стоит. Пошли туда мужичка любого, пусть передаст наказ мой идти сюда. Припасов-то у нас хватит?

– Да, хватит. Стадо большое, хлеба, молока и мяса в достатке. А гонца я сейчас пошлю.

– Давай! Накажи селянам разместить ратников по своим домам.

- Сделаю, Василий Игнатьевич, – сказал ключник и убежал.
- Вот и вторая, самая главная хорошая новость, Михайло, – проговорил княжич.
- Да, Василь, у меня словно камень с плеч свалился.
- Сколько пробудем здесь, воевода?
- Отдохнем малость и в обрат пойдем, бить татар.
- Долго ли гнаться за ними будем?
- Покуда не уйдут с земель наших.

Парфенов вздохнул.

- Значит, долго. Ну что ж, на то мы и воины.

В село вошла дружина. Крестьяне тут же разобрали воинов по избам. Стешино – село большое, шестьдесят дворов. Места всем хватило.

Вроде самое время праздник устроить. Да слишком уж сильное горе навалилось на Русь, не до того было. Посему гости и хозяева обошлись баней, молитвой и ужином, после которого отправились на отдых.

Только Бордак с Аленой до позднего вечера сидели, обнявшись, на высоком берегу реки. Спать они пошли за полночь.

Село уснуло. Тут было спокойно.

Девлет-Гирей завел свою орду на рязанские земли. Противостоять ему было некому. Крымчаков преследовали только отдельные небольшие дружины. Они наносили им урон, освобождали полонян, но большего сделать не могли. Хан вернулся в Крым с огромным ясырем и вошел в Бахчисарай с триумфом. Он уже думал, как на следующий год покорит Русь, строил грандиозные планы, видел себя правителем всех земель от Крыма до Новгорода, Казани и Астрахани.

Глава 2

Каждый день в село Стешино прибывал народ с земель, разоренных крымчаками.

Ранним утром к Парфенову заявился ключник Белан и доложил:

– Княжич, это уже невозможно! Вчера пять семей пришло, а сегодня с рассвета уже три. Что за день-то будет? У нас опричники по дворам стоят, беженцам места нет.

Парфенов посмотрел на ключника.

– Доброго утра тебе, Николай.

– Господи, извиняй, княжич, совсем я завертелся. Ни днем, ни ночью покоя нет. И приваживать людей некуда, и гнать не по-божески будет.

– Харч у нас в достатке. Пусть люди берут у тебя еду на дорогу и идут прямо в Москву. Там сейчас рабочие руки на вес золота.

Ключник вздохнул и проговорил:

– Это я знаю. Поздно вечером прошел обоз большой с мастеровыми мужиками и лесом. Их из северных земель царь на Москву послал. Они говорили, что еще возы собираются.

– Вот и тех людей, которые к нам из разграбленных земель приходят, на Москву отправляй.

– Так многие из них желают тут поселиться. Просят хоть какой землицы, избы желают ставить. А где же мы земель-то наберем? Не отдавать же поля, уже засеянные.

– Я сказал, Николай, всех направлять на Москву. Тут оставлять только хворых да немощных, пострадавших от набега проклятого Девлета, оказывать им всяческую помощь. Ты понял меня?

– Как не понять, только тяжко с народом говорить. Ты ему одно, он в ответ другое.

– Тогда передай, что идти на Москву – это строжайший наказ самого государя Ивана Васильевича. Против него никто ни единого слова не скажет.

– Ну если так. Ладно, пойду.

– В помощники возьми Андрея Серьгу, мужиков, которые пользуются уважением среди селян.

– Разберусь.

– Разбирайся.

Ключник ушел. Служка притащил бадью теплой воды, полотенце.

Василий обмылся.

К нему подошла стряпуха.

– Доброго здравия, княжич.

– И тебе того же, Варвара.

– Хотела спросить, чего на завтрак делать, когда и куда подавать.

– Делай все так же, как обычно. Ты с Марфой стряпаешь?

– С ней и с другими бабами. На селе, кроме семьи да прислуги боярина Бордака, наших городских, стоит еще и опричная дружина. Голодный люд с разоренных земель валом валит. Разве двоим управиться?

– Хорошо, что бабы тебе помогают.

– Ну тогда пошла я.

– Ступай, Варвара. В чем нужда возникнет, обращайся к ключнику, не поможет он, иди до меня.

– Уразумела, княжич. Да ключник справляется со всем. Хозяин настоящий, строгий, но в меру.

– По душе пришелся?

– Чего скрывать, Василий Игнатьевич, пришелся. – Варвара вздохнула. – Да он в мою сторону и не смотрит. Все у него дела. Не до меня ему.

– Ничего. Посмотрит. Ты баба видная, прилежная и пригожая. Ступай.

Во двор княжеского дома вышла семья Бордака.

Алене помогала Олеся, молодая девушка из местных, родственница Варвары. Рядом шла повитуха тетка Вера. Тут же Петруша и Герасим.

Алена кивнула Парфенову, присела на лавку и чуть наклонилась набок. Так было удобней с большим животом. Олеся поднесла ей чашу с водой из бадьи. Женщина умылась.

Боярин подошел к княжичу.

– Приветствую тебя, Василь.

– И я тебя, Михайло.

– Надо догонять крымчаков да бить это паскудное племя.

– Знать бы, Михайло, куда идти. Крымчаки-то, они вон видишь как разбойничают. Нападут на селение, людей, годных для работы, да добро заберут, хворых, старых да младенцев побьют, дома посжигают и на юг идут.

– Искать их следует.

– Ну искать так искать. Давай наказ, воевода, и двинем из села. Наши близкие теперь в безопасности, руки у нас развязаны. Опричники всегда готовы бить басурман.

– В полдень, Василь, собери дружину.

– Добро, соберу. Тут, у меня на подворье?

– У церкви. Там площадь как раз для трех десятков воинов.

– Сделаю. Значит, в полдень?

– Да. А до того... – Договорить Бордак не успел.

С околицы донесся крик:

– Дружина идет со стороны Москвы.

– Что это? – спросил Бордак.

– Да ты и сам слышал. Дружина какая-то?

– И что это может быть за войско?

– Сейчас узнаем.

Заслышав крики мужиков, из домов вышли опричники. Все пешие, но с оружием.

К подворью княжича подошли десятники Лука Огнев, Фома Рубач, Яков Грудин. Перед этим они велели своим людям быть готовыми к встрече неожиданных гостей.

От околицы пронесся звонкий голос:

– А ну, расступись! Не видите, кто едет?

Бордак с Парфеновым и десятником вышли с подворья, с ними десятники и полтора десятка опричников.

– Ба! – воскликнул княжич. – Да ведь это сам думный боярин Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский по прозванию Малюта.

– Он, – сказал Бордак. – Но почему при нем всего десять воинов?

– Сейчас узнаем.

Скуратов остановил свою охрану, Скуратов один подъехал к Парфенову и Бордаку, соскочил с коня.

– Вот уж кого мы тут не ждали, так это тебя, Григорий Лукьянович, – с улыбкой проговорил Парфенов.

– Мы много чего не ждали, а оно пришло. Приветствую вас, воеводы.

– И тебе доброго здравия, боярин. Почему с малой охраной?

– А где большую взять? Опричные сотни полегли в боях да в пожаре. Дворец на Неглинной сгорел, там сгинуло много людей. Кто остался, все при деле. Да и я к вам не в гости.

Бордак взглянул на Малюту и поинтересовался:

– А как ты нашел-то нас, Григорий Лукьянович? Ведь мы сюда всего на день заглянули? Собрались уже дальше идти за крымчаками да бить их.

– Я знал, что не минуете вы вотчину княжича. Кого-нибудь из басурман достали?

– Достали. – Михайло поведал Малюте о событиях у деревни Колодка.

Скуратов кивнул.

– Это хорошо. Но теперь вам придется другое задание исполнить.

– Говори какое, сделаем.

Скуратов взглянул на Парфенова.

– Может, в терем свой позовешь, Василь Игнатьевич? При людях не стоит о серьезных делах говорить. И накажи прислуге дать воды студеной напиться, жажда мучит.

Парфенов окликнул служку, тот принес кувшин с водой.

Скуратов пил жадно, большими глотками, обжигаясь холодной родниковой водой.

Парфенов, Бордак и Скуратов прошли в дом княжича.

В просторной светлице о двух окнах, завешанных цветными занавесками, все трое перекрестились на образа в красном углу, сели за резной стол, на лавки, покрытые кусками ковра.

– Может, откушаешь, Григорий Лукьянович? – спросил Парфенов.

– Вы уже завтракали?

– Нет, рановато.

– Вот и мне рановато.

– Тогда что за дело заставило тебя искать дружину?

Скуратов расстегнул рубаху и проговорил:

– Вы ведь и сами понимаете, что Девлет-Гирею в этом походе сказочно повезло. Не налети ураган на Вознесение Господне, и не сгорела бы Москва. Но что уж об этом. Господь послал нам испытание, и мы должны достойно пройти через него. Хан после сожжения Москвы объявил о возвращении своей орды в Крым. Татары грабят все, что попадается им по дороге. Однако Девлет задумал еще одно злодейство, о котором мы и мыслить не могли.

Бордак и Парфенов переглянулись.

– Какое злодейство, Григорий Лукьянович? Что может быть хуже?.. – спросил Бордак.

Скуратов поморщился.

– Не перебивай, боярин, сам собьюсь. В общем, пошла орда на рязанские земли. Вдогом устремились не только такие дружины, как ваша, но и полк боярина Воротынского. Его людям удалось на переправе через Москву-реку разбить татарский отряд, взять в полон мурзу и продажного сына боярского Баяна Моларя. Изменник тут же запросил милость.

Бордак воскликнул:

– Какая ему может быть милость? Только плаха и палач с топором.

– Это так, но Моларь заявил, что может поведать такое, чего мы никак не ждем. Воротынский лично допросил изменника и выяснил, что Девлет приказал своим преданным мурзам Ахмаду и Хаджи, которые состоят в родстве с ним, погубить или пленить государя нашего Ивана Васильевича.

– Но как? – воскликнул Бордак.

– Объясняю. Хан узнал, что государь находится в Ростове и на днях собирается в Александровскую слободу, а затем на Москву. Он повелел мурзам уйти в лес, что между Ростовом и слободой, там, где разоренное село Треблино, оттуда из леса напасть на царский поезд, когда он будет проходить мимо. Изменник не знает точно, что за силы у мурз. Могут быть и сотня, и две, и пять. Он слышал и о засадном отряде крымчаков. Где тот должен укрыться, кто его мурза и какова численность, неизвестно. Но я думаю, сотня или две.

– Какая же паскуда этот Девлет-Гирей! Надо же такое задумать! – воскликнул Парфенов. – А скажи, Григорий Лукьянович, откуда изменник узнал о злодейских намерениях, кото-

рые крымчаки должны были держать в строжайшей тайне? Не мог ли этот сын боярский набивать себе цену? Вдруг на самом деле никаких засад и нет?

Скуратов кивнул.

– Может быть и так. Я о цене. А откуда изменник прознал про тайны, он объяснил просто, мол, случайно слышал разговор мурз Ахмада и Хаджи.

– Такое случайно не услышишь, – сказал Бордак.

– Я тоже так думаю, но и отвергнуть показания изменника не могу.

– Так надо все проверить.

– Вот и я о том же. Государь завтра после обеденной молитвы выезжает из Ростова. В охране у него полусотня опричников. Воины крепкие, опытные, но их мало. Почему так? Это знает только государь. Я сегодня еще затемно получил сообщение о выходе царя. Пути до Александровской слободы около ста двадцати верст, до Треблино и того меньше, где-то сто. Значит, на третий день царский поезд будет у села. Если там его ждет засада, то полусотня не сможет отбиться. Что бы ни говорил наш изменник, а если Девлет, пес смердящий, послал на такое злодейство рать, то немалую, уж никак не менее сотен пяти. Пусть одна из них в засаде, но остальные четыре у дороги, по которой пойдет царь. Хотя и по-другому может случиться. Это я о числе крымчаков.

– А что ж ты, Григорий Лукьянович, не отправил из Москвы пару сотен навстречу царю? – спросил Парфенов.

– Одну приготовил. Она сегодня двинется к слободе. Ее поведет воевода, знающий о засадном отряде Девлета. Если Девлет выставил своих людей между Москвой и слободой, то сечи не избежать. У татар будет преимущество.

– Опричники должны разгромить этот отряд, сколько бы басурман в нем ни было, – сказал Бордак.

– Должны. Но как все сложится, не ведает никто. Даже если опричники разгромят засадную рать крымчаков, то погибнет много людей. Да и подойти вовремя к Треблино сотня никак не успеет.

– Получается, что Девлет-Гирей до мелочей продумал свои намерения, – проговорил Бордак.

– Это ему не так уж и сложно было сделать, Михайло Алексеич. Беда в том, что он хорошо знает, сколько сил у нас осталось после пожара на Москве.

– Но почему бы не предупредить государя об опасности, просить его, чтобы покуда сидел в Ростове? Надо проверить слова изменника и выставить по всему пути заставы, чтобы обеспечить его безопасный проезд.

Скуратов посмотрел на Бордака и спросил:

– Ты Ивана Васильевича не знаешь?

– Не так хорошо, как ты, но знаю.

– И меня уже должен знать. Послал я гонца в Ростов, как только прознал о злодейских мыслях Девлет-Гирея.

– И что?

– А ничто. Царь решил идти в слободу. Так он и поступит. А мне Иван Васильевич посоветовал... не буду говорить, что именно.

– Нетрудно догадаться, – проговорил Парфенов. – Значит, завтра государь в любом случае тронется из Ростова?

– Да.

Парфенов покачал головой.

– Боярин Воротынский преследует отряд Девлет-Гирея. Несколько дружин тоже по пятам идут, а выделить отряды для безопасности царя Москва не может?

– Есть в слободе две сотни, но, чтобы вывести их на дорогу, надо иметь уверенность в том, что изменник Моларь не соврал. Иначе может получиться так, что Девлет не на царя нападет, а слободу сожжет. Никто ему не помешает, если я прикажу двумя сотням идти к Треблино.

– Да, – протянул Бордак. – Все запутано, прямо как та сеть, в которую попался большой сом.

– В общем, воеводы, я решил, что надо проверить слова изменника. Для этого ни московские опричники, ни земские дружины, ни сотни Александровской слободы не годны. За ними могут смотреть. Что у нас остается?

Бордак и Парфенов все поняли.

Михайло улыбнулся и произнес:

– А остается у тебя, Григорий Лукьянович, надежда только на нашу особую дружину. О ней крымчаки не ведают. К ее подходу не готовы. Они не ждут нас нигде, особенно у села Треблино.

– Верные слова говоришь, воевода.

– Ну тогда, боярин, определяй задание.

– Так ты, Михайло Алексеич, уже и сам определил его. Надо проверить слова изменника Моларя. Идите к Треблино. Это самое опасное место. Если слова Моларя не ложь и Девлет задумал произвести нападение на поезд Ивана Васильевича, то произойдет оно, скорее всего, именно там. Ну а дорогу от столицы до Александровской слободы проверит московская опричная сотня.

– Когда выходить, Григорий Лукьянович? – спросил Бордак.

– Давай поразмыслим. От Ростова до Треблино сто верст, от Стешино, если лесами, перелазами через реки, обходом оврагов, балок, где-то сто двадцать, как и от Москвы. Но поезд царя выходит в полдень завтра. Если вы отправитесь после обеда сегодня, то придете к месту на сутки раньше, не обремененные большим обозом. Значит, трогаться вам надо ныне же, идти к Треблино, там решить, как быть дальше. Я же выезжаю сейчас на Москву, оттуда направлю дружину во владимирские леса. Пошлю и гонца в слободу с наказом быть в готовности идти на спасение царя.

– Если мы найдем татарские сотни, то опричники из слободы должны быть подчинены нам, дабы сорвать коварные намерения Девлета. Ну а если не отыщем их, тождемся поезда царя и с ним прибудем в слободу, – сказал Парфенов.

– Я передам чрез гонца, что все ратники слободы должны подчиняться воеводам особой дружины. – Малюта повернулся к Бордаку. – А ты уж, Михайло Алексеич, поразмысли, как свести воедино наши невеликие силы.

– Поразмысли, Григорий Лукьянович.

– Ну вот и договорились. Поехал я.

– Мы проводим. А то, может, все же откушаешь? На Москве не до того будет.

– Благодарствую, обойдусь.

Воеводы особой дружины проводили Малюту Скуратова. После этого Бордак подтвердил наказ на сбор дружины у церкви, провел смотр и направил людей для молитвы в сельскую церковь. Стряпухи в то время приготовили обед. Воеводы же собрали в горнице десятников.

Там Бордак объявил им о задании, данном думным боярином Скуратовым, и сказал:

– Теперь нам надо подумать, как исполнить наказ, не дать сгнить нашему государю. Василь, расстели чертеж. Будем смотреть, куда и как идти, дабы выйти в нужное место в должный срок.

Парфенов достал свиток, развернул его.

Воеводы и десятники начали разговор о том, как ближе и скорее, при этом скрытно дойти до Треблино и наладить связь с Александровской слободой. После долгих горячих споров они

решили идти из Стешино к селу Торфяное, расположенному в двадцати верстах. Там находился перелаз через Москву-реку. Далее по лесу, по тропам, известным местным мужикам, до деревни Гардонка. Это еще тридцать верст. На этом участке использовать проводника, которого назначит княжич. От деревни держать путь на озеро Тихое, что в двадцати верстах от Гардонки. Там сделать большой привал, поутру пойти на деревню Ширия, от нее – к селу Бочарово, что стоит в тридцати верстах от Треблино. Туда не заходить, встать в пяти верстах в лесу, оттуда и вести разведку дороги на Александровскую слободу.

Приняв такое решение, воеводы и десятники разошлись.

Бордак прошел к семье.

Алена лежала на кровати, Петруша вертелся рядом. Служка Колька сделал ему свисток, мальчишка занимался им.

Бордак сел на табурет у кровати жены и спросил:

– Как ты, Алена?

– Ох, Михайло, видать, рожу я тебе богатыря, так тяжело его носить. С Петрушей намного легче было.

– Тебе бы больше двигаться, родная.

– Это и повитуха говорит, да сил нет, Михайло. Так и тянет в постель. А ты опять покидаешь нас?

– Да, Алена, но иначе нельзя.

– Разумею. Но душа не желает того принимать. Очень хочу, чтобы ты рядом был.

– Я тоже этого желаю. Но я воин, и мое дело в трудную годину родину защищать.

– Эх, Михайло, ходил ты с дружиной в походы, бил басурман, а пришел Девлет-Гирей и разорил Москву.

– Ты же знаешь, Алена, что так вышло случайно. Но собака Девлет не решился направить орду на сгоревшую Москву. Он знал, что русские даже мертвыми драться будут.

Женщина положила руку на широкую ладонь мужа.

– Не говори так, Михайло. Не надо мертвыми. Живыми надо.

– Я так, к слову.

– Не надо. Скажи лучше, когда уводишь из села дружину.

– Вот попрощаюсь с тобой, с Петрушей, Герасимом, Марфой и поеду.

– Далеко ли путь твой лежит?

– Куда сейчас идти, знаю, а там разберусь.

Алена вздохнула и спросила:

– Это сколько же я тебя не увижу?

– Коли по правде, то, наверное, долго. И родить успеешь, и в себя прийти, и, возможно, на Москву вернуться.

– Что там делать? Подворье-то сгорело.

– Людей мастеровых найдем, они и свои, и наше подворье поднимут. Еще краше станет.

– Как долго тебя не будет. Знаешь, Михайло, об одном прошу. Коли помру я при родах, а дитя выживет, ты уж найди и для него, и для Петруши женщину, которая могла бы стать им матерью.

– Даже думать об этом не смей! Все пройдет хорошо.

– Я тебя на самый крайний случай прошу. Обещай сделать так. Мне от того легче будет.

– Мы будем вместе. Ты, я, Петруша и ребяточек наш!

– Обещай, Михайло!

– Ты забудь плохое и давай-ка вставай. Жене следует мужа проводить.

– Тяжко вставать, Михайло.

– Надо, Алена.

- Ты не обещал.
- Этого ты не услышишь. Олеся! – крикнул он.
- Та быстро объявилась.
- Слушаю, боярин.
- Помоги боярыне встать и выйти во двор. Я буду там ждать.
- Извиняй, Михайло Лексеич, но, может, ей лучше полежать?
- А что повитуха говорит?
- Девушка вздохнула и ответила:
- Что двигаться больше надо.
- Ну вот! Зачем тогда лежать? Помогай, и во двор, не спеша, потихоньку.

Бордак вышел из опочивальни, спустился во двор.

Там стоял Огнев:

- Воевода, дружина к походу готова, ждет наказа, – доложил он.
- Погоди немного, Лука.
- Разумею, прощайся, боярин, не торопись. Мы подождем, а утраченное в пути наверстаем.

Бордак немного побыл с семьей во дворе.

Пришло время прощаться. Он обнял плачущую жену, сопевшего Петрушу и сказал:

- Я вернусь. Вы только берегите себя.
- Воевода ушел к церкви, где на конях гарцевали опричники, сел в седло.
- Парфенов стоял в стороне.

Бордак подъехал к нему и спросил:

- Проводника до Гардонки нашел?
- Нашел. Это Степан Лекан, знатный охотник.
- Где он?
- Да вон, у входа в церковь. Я наказал ему ждать, покуда не позовут.
- С припасами порядок?
- В суммах воинов запас на неделю.
- Этого хватит. Значит, проводник Степан?
- Да.

Бордак взглянул на мужика и крикнул:

- Степа, подойди.

Мужик подбежал к нему. Был он крепок телом, суров лицом, в жилистых руках сжимал топор.

- Зачем топор тебе нужен, Степа? – с улыбкой осведомился Бордак.
- Сгодится, боярин, без него в лесу делать нечего, как и без огнива. Пропадешь.
- Ладно. Дорогу до Гардонки хорошо знаешь?
- Хорошо, не хорошо, а знаю. Там места дичью богатые, встречаются и лось, и косуля.

Бывало, я и на медведя ходил. У меня недалеко от деревни той даже избушка охотничья есть.

- А далее дорогу покажешь?
- Смотря куда.
- К озеру.
- Это к Тихому?
- Да. Почему его так прозвали?
- Да потому что глухие места там, тихие.
- Значит, и к деревне Ширия провести можешь?

Мужик подбочился и заявил:

- Ты, боярин, не ходи вокруг да около, говори, куда дружину вывести надо.

- К селу Треблино.
- Угу. Так на что тогда тебе Ширия?
- Так по чертежу чрез нее ближняя дорога получается.
- Это только по чертежу твоему. А на самом деле идти чрез Ширию – только накручивать лишние пять верст.
- Парфенов не без удивления посмотрел на мужика.
- Есть другая дорога?
- В лесу, княжич, дорога редко бывает, а вот троп хватает. Есть такая, по которой от озера прямо на Бочарово выйти можно, а там до Треблино останется всего тридцать верст.
- Поведешь нас до Треблино, – решил Бордак.
- Мужик кивнул.
- Я всегда готов, вот только харча у меня в таком достатке нет, чтобы и до Треблино дойти, и вернуться в обрат.
- Бордак взглянул на Парфенова.
- Тот кивнул.
- Я все понял, Михайло. Ты, Степка, покуда коня тебе приведут, дуй на кухню моего подворья, там ключник. Ты его знаешь, передай, чтобы дал тебе харча на неделю. Сума-то есть?
- Была где-то в доме.
- И суму пусть даст. С ней вернешься сюда. Только быстро, Степка!
- Угу, я мигом.

После обеда дружина покинула село Стешино.

В головной дозор опять вошли люди Ивана Пестова. Проводник Степан Лекан, очень довольный собой, скакал на молодом коне рядом с первым воеводой боярином Бордаком, указывал тропы, сокращающие путь.

Михайло был молчалив. Прежде он опасался за жизнь Алены, теперь его мучили думы о том, как пройдут роды. Парфенов, как уж мог, отвлекал товарища от тяжких размышлений. Впрочем, вскоре воеводе стало не до них.

Торфяное и Гардонка представляли собой жуткое зрелище. Сожженные избы, разграбленные двory, уничтоженные посеы, трупы в селениях и поле. Тут знатно погуляла орда Девлет-Гирея.

- Надо бы отпеть и похоронить погибших, – проговорил Парфенов.
- Это же сколько времени потеряем, Василь? Мы никак не можем задерживаться здесь.
- А я и не говорю, чтобы хоронила дружина. Как выйдем в Треблино и нужда в проводнике отпадет, то накажу Степану идти в обрат да передать ключнику вотчины, дабы отправил в село и деревню мужиков да священника отца Ефима. Они предадут тела земле по нашим православным обычаям.

Бордак кивнул.

– Это другое дело. Тут я с тобой согласен.

Головной дозор остановился.

К воеводам вскоре подскакал гонец Пестова Федор Верга и доложил:

- Озеро за возвышенностью.
- Что за берега у озера?
- Берега худые, боярин, почти везде осока, только с юга песчаная полоса. Место топкое, до воды пойдешь по колено в иле. Коней напоить можно, ратникам искупаться – нет. Коли делать большой привал, то надо пройти еще с версту. Там будет сухой лес да речушка безымянная. Чуть далее роща. Там отдохнуть можно, – ответил Лекан.
- Говоришь, с версту?
- Угу.

Бордак взглянул на Вергу.

– Ты слышал, что сказал проводник, Федор?

– Да, боярин.

– Делай, как он сказал. Пройди еще с версту, определи подходящее место для ночного привала в роще.

– Понял.

Дружинники прошли мимо озера, берега которого действительно настолько заросли осокой и камышом, что вода была видна только на середине. Но Степан нашел место, где ратники смогли напоить коней. А потом началось редколесье. Здесь росли больше ели, сосны, можжевельник, но были и березы, клены, осины, кусты акации да чубушника. Место сухое, уютное. От гнуса, понятное дело, и тут покоя не было, но все меньше, чем у воды да топи.

Ветер дул в ту сторону, откуда пришла дружина. Это означало, что небольшие костры для приготовления горячей еды развести можно было. Воины принялись собирать валежник, рыть ямы и ставить треноги для котлов, сооружать шалаши.

Коней отвели на большую елань, где они могли насытиться луговой травой. Там их стреножили. Парфенов дал наказ поставить возле табуна охрану, разместить дозоры с трех сторон. Крымчаков поблизости не было, но они могли появиться в любую минуту.

Когда стемнело, все, кроме охранения, разошлись по шалашам. Спали одетыми, сняв доспехи, но держа оружие под рукой.

Как только просветлело, Бордак и Парфенов объявили дружине подъем. Воины привели себя в порядок, помолились, перекусили остатками вчерашнего ужина, запаслись речной водой. Кострища они засыпали землей, покрыли ее дерном, убрали все следы своего пребывания здесь.

Когда солнце поднялось над восточной стороной леса, Бордак подозвал к себе проводника и спросил:

– Как дальше пойдём, Степан?

– А дальше, воевода, вместе с дозором твоим передним пойду я. Покажу тропу вдоль болота. Она приведет нас к селу Бочарово.

– Сколько верст?

– Сорок, может, чуть побольше. К заходу солнца с Божьей помощью будем на селе. А дальше как решишь ты, воевода.

– Ступай к головному дозору. Там старший Иван Пестов. Скажешь, я послал тебя проводником и велел слушаться. Но гляди, Степа, заведешь в болото, я в нем же тебя и утоплю!

– Да что ты, боярин?! Почему слова обидные говоришь? Я же, как и ты, за Русь нашу.

– Мое дело, Степа, предупредить.

Вскоре дружина продолжила переход.

Как и говорил проводник, она вышла к селу Бочарово к заходу солнца. Оно тоже было разорено. За околицей на кладбище воины увидели много свежих могил. Видимо, кому-то удалось скрыться от кровожадных ордынцев. Потом эти люди вернулись и похоронили односельчан.

Ратники приготовились было к большому привалу, но Бордак отдал команду:

– Идем дальше.

Опричники не привыкли прекословить. Дальше так дальше. Головной дозор с проводником пошел вперед, за ним двинулись десятки.

К нужному месту воины вышли засветло.

Степан Лекан указал на рощу и проговорил:

– Самое место для привала, открытое со всех сторон. Ворог не подберется. В роще родник есть. Раньше тут тетерева водились, теперь их нет. А до Треблино лесом ровно пять верст. Тропа есть меж топких мест.

Бордак повернулся к нему.

– Благодарствую, Степан, за то, что проводил. Припасы у тебя остались?

– Остались, а что?

– Можешь возвращаться.

– Почему гонишь, боярин? Дозволь при дружине остаться. У меня к крымчакам свои счета.

– Не могу. Княжича проси о том. Ты его человек. У него тебе задание.

– А сам-то ты не против?

Бордак посмотрел на проводника и ответил:

– Я не против. Такие люди мне нужны.

– Добро.

Проводник дождался Парфенова, который ездил с дозором смотреть рощицу.

– Василий Игнатьевич, просьба у меня к тебе великая.

– Давай просьбу.

Лекан сорвал с головы шапку.

– Дозволь, княжич, при дружине остаться. Я вам сгожусь.

– Знаю, но надо из Стешино людей отправить в Торфяное и Гордонку, похоронить убитых. А кто передаст ключнику, чтобы тот туда мужиков и священника послал? Только ты.

– Э-э, княжич, один день не срок, похоронить успеем. А мне тут дело найдется. Задание-то нешуточное. Сберечь жизнь самого царя!

Парфенов махнул рукой.

– Ладно, оставайся, если только первый воевода не против.

– Он не против.

– Ну тогда будь при мне.

– Слушаюсь, Василий Игнатьевич, и благодарствую.

– Сейчас передай десятникам, чтобы вели отряды в рощу. Там Пестов покажет, где кому встать.

– Сделаю. – Новый ратник дружины поскакал выполнять поручение.

– Что, просился в дружину твой холоп? – спросил Бордак Парфенова. – Бросил дом, семью. Что за счета у него с крымчаками?

– Давай разомнемся, Михайло, – предложил княжич.

Воеводы соскочили с коней, пошли по полю, и Парфенов проговорил:

– Дом у Степана, знамо, есть, а вот семьи нету уже пять лет.

– Сгинула? Отчего?

– В те времена голод был. Засуха погубила урожай. Я сделал, что мог, но только мало было. Степан же охотник знатный. Вот и порешил он в охотничью избушку семью перевезти. Ключник не противился, меньше ртов на селе. Уехали они. Степан ходил на охоту, сын его Ванька рыбачил на реке, жена с дочкой по грибы да ягоды ходили. Ушел однажды Степан, вернулся, а сын, заколотый копьем, возле дома лежит. А в избе жена и дочь.

– Кто же это их?

– Лихие люди. Позарились на те скудные запасы, что собрала семья.

– Погоди, а крымчаки тут при чем?

– Так отыскал Степан лихих разбойников. В ночь решил известить всех, а вечером к ним крымчаки приехали. Разбойники вскрыли схрон с награбленным добром, получили за него серебро. Лекан подобрался ближе к стану и слышал разговор между татарами и главарем шайки. Те велели ему грабить торговые обозы и хутора, забирать в полон парней и девок.

Злость обуяла Степана. Когда татары уехали, он вырезал разбойников. Они в шалашах устроились по трое, двоих в охрану поставили. Вот Лекан и всех их и положил.

– Сколько же подонков он сгубил?

– Полтора десятка.

Бордак с недоверием посмотрел на Парфенова.

– Один?

– Один. Переходил от шалаша к шалашу. Пошел потом за крымчаками, но те замели следы, а то и им досталось бы.

– Да, не простой, оказывается, мужик этот твой Степан.

– Ему только волю дай!.. Ладно, десятки уже в роще. Едем и мы.

У коней боярина и княжича ожидал Лекан, с виду благодушный, миролюбивый мужик, только вот с топором за широким поясом.

Бордак протянул ему руку.

Тот не понял.

– Чего это ты, боярин?

– Рад принять в дружину такого воина, как ты, Степан.

Парфенов улыбнулся.

– Я рассказал воеводе о твоих подвигах, Степан.

– Так это не подвиги, а праведная месть.

– Едем в рощу.

Она действительно оказалась очень удобной для временного размещения дружины.

Парфенов объявил воинам отдых. Люди помолились, принялись готовить еду, ставить шалаши.

Для воевод его быстро соорудил Лекан.

После обеда Бордак с Парфеновым пошли смотреть, как несут службу дозоры, оглядели участок дороги, встали на западной опушке.

– До Треблино пять верст. Мы дошли до нужного места за двое суток. Иван Васильевич выехал из Ростова, вчера, значит, будет здесь в лучшем случае послезавтра, – проговорил Михайло.

– Это как идти, – заявил княжич. – Царь не любит, когда что-то делается медленно. Он всегда торопится, словно опасается чего-то не успеть сделать. Государь уже завтра может быть здесь.

Бордак согласно кивнул и сказал:

– А то означает, Василий Игнатьевич, что сейчас ратникам отдых. До рассвета надо послать малый ертаул на село и далее в западные леса, насколько возможно. С утра отправим гонца в Александровскую слободу, дабы передать наказ тамошним опричникам.

– Понятно, к опричникам скрытно человека пошлем. Это несложно. А вот как незаметно разведку провести?

– Отправишь Ивана Пестова, с ним Федора Вергу и твоего холопа Степана Лекана. Этого хватит. Опыта каждому из них не занимать.

– Степан никогда не ходил в разведку.

– Зато он часто ходил на охоту, да не на зайцев, а на крупного зверя. А это дело такой сноровки требует, что и разведчик позавидует.

– Дело твое. Я не против.

– Давай наказ всем на отдых. Да и сами поспим. Дозорному накази поднять нас через два часа после полуночи.

– Не рано? Может, через три? Не выспимся.

– Выспимся, когда уйдет разведка.

Парфенов улыбнулся и заявил:

– Слушаюсь, воевода!

Дозорный поднял Бордака и Парфенова в то время, которое ему и было указано. Они вызвали к себе Ивана Пестова, Федора Вергу и Степана Лекана, прошли с ними до западной опушки.

Бордак указал на запад и сказал:

– Там село Треблино, так, Степан? – Он взглянул на нового ратника.

– Так, воевода.

Бордак продолжил:

– До Александровской слободы от Треблино двадцать верст, до Ростова – сто двадцать. Оттуда к слободе идет обоз. В нем сам государь и полусотня опричников. – Он рассказал ратникам о плане Девлет-Гирея, что вызвало у тех настоящую ярость.

– Данные по засаде получены от русского изменника. Возможно, он пытался выторговать себе жизнь, выдал придуманное за настоящее. Но не исключено, что это правда, и тогда государю грозит смертельная опасность. Мы и пришли сюда для того, чтобы проверить слова изменника. Посему наказ всем троим идти до Треблино и далее в западные леса, искать крымчаков. Если они есть, то уже рядом с дорогой, может, и в селе. Так что осторожнее. Сами разумеете, что если попадете в руки татар, то умрете страшной смертью, а дружина вынуждена будет вести бой с многократно превосходящим противником.

Лекан, еще не привыкший к порядкам в дружине, сказал:

– Да найдем мы басурман, воевода, коли они тут. Я многие тропы знаю, о которых татары и не слыхивали. Клянусь, ни один косоглазый нас не заметит.

Пестов одернул его:

– Лекан, не следует перебивать начальников. Скажешь, когда тебе дадут слово.

– Извиняйте, воины, не знал, что нельзя говорить без спросу.

Бордак улыбнулся.

– Ладно. Привыкнешь, если выживем. Ты, Лекан, знаешь эти места. Стало быть, тебе и вести малый ертаул.

Пестов взглянул на боярина и спросил:

– Нам придется подчиняться мужику?

– Он теперь такой же ратник, как и ты. И еще, Иван, напоминая другим о порядках в дружине, следует в первую голову самому придерживаться их.

– Извиняй, боярин, я все понял.

– Разведку вести до обнаружения засады татар, но в полдень в любом случае быть здесь. –

Боярин повернулся к Лекану. – Уразумел, старший ертаула?

– Да, воевода. – Лекан светился от гордости за дело, порученное ему.

– Вперед! – отдал приказ Бордак, и малый ертаул двинулся в сторону села Треблино.

Проводив разведчиков, Бордак спросил у Парфенова:

– Кого ты отправишь в слободу?

– Советовался с десятниками, совместно решили направить Бориса Талого.

Бордак кивнул и распорядился:

– На рассвете и отправляй.

После этого воеводы вернулись в свой шалаш.

Ертаул скрытно подошел к балке, за которой еще недавно стояло село Треблино. Теперь от него остались одни развалины. В них мог укрыться приличный отряд. На сотню места не хватило бы, а вот десятка три устроились бы вполне.

В балке Лекан сказал Пестову:

– Нечего нам троим на селе делать. Туда один пойду.

Опричник покачал головой и заявил:

– Так нельзя. Мы не знаем тебя, поэтому пойдем все трое.

– Но ты же опытный воин, должен понимать, что там, где один будет незаметен, трое покажут себя. Будь село наполовину, хоть на треть целым, тогда да, а так придется зайцем прыгать от одних развалин к другим. Скажи, ратник, ты знаешь, как в этих местах роют погреба, какие тут колодцы?

– На что мне это?

– А на то, погреба здесь большие, глубокие, входы в них не из домов, а со дворов. Сверху они покрыты жердями и соломой с глиной. Колодцы делают почти вровень с землей, чтобы удобнее было воду доставать. Тут человек несведущий и днем запросто может провалиться, чего уж говорить про темное время.

– Но уже светлеет.

Лекан вздохнул.

– А еще о порядке говорил. Нет его в дружине, порядка, раз младший перечит старшему.

А тут сейчас я старший повелением боярина.

Иван Пестов понимал правоту мужика, преодолел себя и сказал:

– Ладно, старший, как скажешь, так и будет.

– Вот это другое дело. Стало быть, я захожу в село, оглядываю его. Коли там крымчаки, то вы об этом услышите. Живым я не дамся, значит, сшибки не миновать, а это шум. Если же не встречу татар, то подам знак.

– Откуда и какой? – спросил Верга.

Ертаулу были хорошо видны остатки села. Там уцелел только остов церкви. Купола сбиты, верхний ярус колокольни тоже. Внутри наверняка все обгорело.

– С колокольни. Подниму руку, подходите ко мне. Отсюда увидите меня?

– Увидим.

– Тогда я пошел. – Лекан пробежал к ближней, чудом уцелевшей городье, за которой и скрылся.

К этому времени уже рассвело.

Пестов и Верга смотрели на село и ничего подозрительного не видели.

Наконец Верга воскликнул:

– Колокольня, Иван!

– Вижу. Лапотник знак подает.

– Перестань! Это умный мужик, опытный охотник. Еще неизвестно, кто больше пользы в разведке принесет, мы с тобой или он.

– Неправильно это, Федор. Все же мы государевы люди, а он холоп.

– Долго ли княжичу Парфенову дать ему вольную, а Скуратову взять в опричное войско? И оглянуться не успеешь, как бывший холоп станет твоим начальником.

– Ладно, идем, коли старший зовет.

Пестов с Вергой подошли к колокольне.

Лекан был уже у арки.

– На селе никого нет, ни крымчаков, ни местных, ни даже собак бродячих. Трупов я тоже не видел. Наверное, народ до нашествия татар ушел из села. Но похоже на то, что и крымчаки тут не задержались. Пожгли все, что может гореть, и пошли на владимирские и рязанские земли.

– Что дальше, старший? – спросил Пестов.

– А ты не знаешь? Я перехожу дорогу и вхожу в лес там, где прогалина у высокой сосны. Осмотрюсь, подам тот же знак. Вы бежите ко мне. Пойдем лесными тропами выискивать крымчаков, будь проклято их адово племя, – проговорил Лекан, рванул к лесу и вскоре подал знак.

На востоке поднялось солнце. День обещался быть жарким, сухим. Кому-то это хорошо, кому-то плохо.

Ратники малого ертаула прилегли на небольшой поляне, заросшей кустами, и Лекан сказал:

– Напрямую идти опасно, попадем на передовые дозоры крымчаков. Поэтому продвигаемся на юг на версту, потом на запад до болот, возвращаемся, расходимся саженой на тридцать и шагаем к дороге. Не будет на этом участке татар, смотрим севернее.

– Почему не южнее? – спросил Пестов.

– Там слобода. Крымчаки знают, что оттуда могут выйти разъезды. А встреча даже с малым отрядом татарам не нужна. Или я не прав, воины?

Верга пожал плечами и ответил:

– Не знаю, так или нет. Давай поначалу один участок пройдем, а там видно будет.

– Тоже верно, – сказал Лекан. – Идем так: я, за мной Иван, последний Федор. Но чтобы видеть друг друга.

– Поучи еще, – буркнул Пестов.

Лекан ничего не сказал, поправил топор и двинулся по опушке на юг.

По пути Пестов проговорил:

– Глупость мы сделали, послушав тебя, Степан.

– Почему ты так говоришь?

– Да потому что если крымчаки в лесу, то они обязательно выставили дозоры на опушке, чтобы смотреть за дорогой. Мы прошли пред ними. Зря я тебя послушал, ведь знал же, что нельзя вот так открыто заходить в лес.

Лекан взглянул на опричника и произнес:

– Ты ошибаешься. Я с колокольни долго за лесом смотрел. Мне все повадки любой живности известны. Зверья сейчас тут нет, ушло оно глубже в Мещеру, а вот птицы остались. Когда рядом люди, они тревожатся, перелетают с места на место. А на опушке, на которую мы вышли, птахи вели себя спокойно.

Пестов не сдавался:

– Если крымчаки будут долго лежать на одном месте, то и птицы перестанут волноваться.

– Не все. Дятел не станет долбить деревья в присутствии людей. А на опушке он стучал. Это значит, что людей там, где мы проходили, не было.

– В другом месте могли быть.

– Нет, воины, поблизости, откуда нас могли заметить, нет никого. Но это не значит, что не будет позже.

Пестов сдался и пробурчал:

– Ладно, веди.

Княжич Парфенов вызвал к себе Бориса Талого и сказал:

– Тебе следует скрытно идти в слободу.

– Зачем, воевода?

– Найдешь старшего, скажешь ему, что у села Треблино находится особая дружина государя, в распоряжение воеводы которой боярина Бордака по наказу Малюты Скуратова поступают все ратники, оставшиеся в крепости. Узнаешь, сколько их там, и вернешься сюда. До слободы двадцать верст, туда и обратно получается сорок. Это тебе на весь день. Если поспешишь, то и пообедает в слободе. Старшему скажешь, чтобы дал гонца для связи и держал дружину в готовности выйти сюда по тому пути, который укажет Бордак. Уяснил?

– Уяснил, княжич.

– Возьми в дорогу немного еды, наполни бурдюк водой, отойди на коне назад и скачи в слободу. Вечером ждем тебя с гонцом. Тут же.

– А если вам придется уйти? Тогда где искать? – спросил Талый.

– Это вряд ли, но коли придется, то под сосной, возле которой мы с тобой сейчас стоим, оставлю весточку. Снимешь дерн, увидишь.

– Понял.

– Давай езжай.

– Только десятника предупрежу.

– Предупреди.

Вскоре гонец поскакал в слободу.

Малый ертаул вышел на край болот.

Место тут было мрачное, угрожающее. Темная топь с островами, на которых кое-где росли такие же черные деревья. Листва зеленая, стволы черные. На воде то тут, то там появлялись и лопались воздушные пузыри.

– Гиблое место, – проговорил Пестов.

– Да, туда только зайди, обратно не вернешься, – поддержал его Верга.

Мужик же спокойно сказал:

– Это смотря как зайти.

– Ты хочешь сказать, что нам придется по болоту пройти? – спросил Пестов.

– Нет, не придется. Нам на восток идти надо, а там лес сухой. Только запомните, воины, коли отходить придется в болото, то не суетитесь, иначе погибнете. Если что, я подскажу.

Пестов усмехнулся и заявил:

– Да уж подскажи. Мы без тебя ни на что не способны.

Лекан пропустил слова Пестова мимо ушей и заявил:

– Расходимся. Ты, Иван, уходи на тридцать саженей влево, ты, Федор – на столько же вправо, я посередине пойду. На ходу следите за мной. Подниму руку, падать на землю и ждать!

Пестов толкнул Вергу в бок и пробурчал:

– Ты слышал, Федор? Мужик учит нас, как разведку в лесу проводить!

Но Верга пожал плечами и ответил:

– Он старший. Так ему положено.

– Нет. Больше мне такие начальники не нужны. Вернемся, скажу воеводе, чтобы избавил нас от него. Мы сами и охотники, и воины.

Он возмутился, но подчинился. Дисциплина у опричников была крепкая. Они могли выказать недовольство, но все приказы выполняли беспрекословно.

Воины ертаула разошлись. Лекан махнул рукой, и все трое пошли вперед. Они не спешили, обходили кусты и канавы, осматривались, прислушивались, косились друг на друга и держали оружие в готовности к бою. У опричников были при себе сабли да ножи, у Лекана – его топор. Парфенов предложил ему саблю, но охотник отказался, не знал, как владеть ею. Ему бы что попроще. Вот он и обошелся привычным топором.

Воины прошли саженей пятьдесят. Потом Лекан встал. Застыли на месте и опричники. Мужик показал им рукой, мол, стоим и слушаем.

Пестов недоверчиво покачал головой, но остался там, где был.

Через время малое проводник махнул рукой. Вперед!

Они пошли. Через несколько шагов Лекан поднял руку и упал в траву. То же самое машинально сделали и опричники. Мужик показал им, чтобы подползли к нему. Пестов и Верга сделали это.

– Что?.. – спросил Иван.

– Дозор крымчаков впереди.

Опричники переглянулись, посмотрели вперед, но ничего не увидели.

Верга хмыкнул и спросил:

– С чего ты взял?

– А ты, воин, принохайся. От татар, которые неделями не моются, запах такой же, как от отары овец. Чуешь?

Верга повел носом и ответил:

– Ничего не чую.

– Худо, воин. А татар двое или трое. Они недалеко от нас, за полосой ближнего кустарника и глядят сейчас не на запад, а на юг.

– Почему так? – с недоверием поинтересовался Пестов.

– Да потому что от болота им ждать некого. Не просто же так мы от него и шли. С юга же стоит крепость. Если идти оттуда лесом, то как раз на этих вот татар и выйдешь.

– Значит, есть в лесу эти нехристи?

– Есть.

Пестов посмотрел на Лекана и заявил:

– Что-то нет доверия у меня твоему чутью. Проверю.

– Проверяй, только осторожно. Татары недалеко, в укрытии.

– Без тебя знаю.

Верга взглянул на Лекана и сказал:

– Я тоже пойду с Иваном.

Но мужик неожиданно проявил твердость.

– Нет. Если пойдет, то один. Это наказ. Все, воины, игрушки кончились, теперь я требую соответствующего к себе отношения и подчинения.

Пестов удивился властным ноткам в голосе мужика, но кивнул в знак согласия.

– Лады, потому как ты старший. Федька, если что, помоги.

– Само собой.

Тут Лекан вновь показал, кто в ертауле начальник.

– Это будет так, как я решу!

Верга отвернулся. Пестов стиснув зубы, дабы не вырвалась изо рта череда отборного мата, и пополз, забирая на север.

Вскоре он вернулся, с уважением посмотрел на мужика и проговорил:

– А ты молодец, старший! Там двое татар. Не подвело тебя чутье. Я их запах уловил саженой с десяти, а так не замечал. Ты же...

– Ладно тебе, – отмахнулся Лекан. – Это значит, что есть и другие дозоры. Но вот почему мурзы не выставили наблюдение за дорогой, непонятно. Теперь пойду я, а вы сидите тут. Что бы ни случилось, ко мне не подходить! Уходите тем же путем, что и пришли. Осторожней у болот.

– Мы своих не бросаем, – заявил Верга.

Лекан улыбнулся.

– Приятно, конечно, что за своего приняли, но повторяюсь, мне, коли налечу на татар, уже не поможешь, а дружину не выдам, потому как живым крымчакам не дамся.

– Так не налетай, – сказал ему Пестов.

– Да уж постараюсь.

Лекан уполз в лес. Отсутствовал он довольно долго, объявился со стороны болота, откуда его никак не ждали, прилег рядом, снял бурдюк, напился.

– Ну чего? – спросил Пестов.

– Две сотни в лесу. Подошли недавно с севера, скорей всего, со стороны Коломны. У них должен быть проводник, который знает эти места, иначе татары тропы не нашли бы. Мы прошли дорогу, как раз когда они только вышли на стоянку. Потому и не было наблюдателей. Сейчас они есть, дозоры по паре басурман с юга и севера, еще и наш. Татары поставили две юрты, шалашей нет. Они знают, что долго тут не задержатся. Кони у них хорошие, молодые, табун на елани, что севернее. По счету получается по два коня на всадника. Там же повозки.

Обоз большой. Язык их я понимаю. Слышал разговор двух мурз, но о том доложу воеводе и его помощнику. Вам скажу лишь, что цель у них – царский поезд. Больше тут делать нечего, уходим, дабы успеть. На этот раз крюк больше на юг делаем, на две версты отступаем, потом идем к дороге и к стоянке дружины.

– В развалины Треблино татары своих людей не посылали? – спросил Пестов.

– А на что? Толку от двух-трех десятков мало будет, а вот выдать себя они могут легко.

Малый ертаул вернулся в стан дружины вовремя. Солнце как раз встало в зенит, когда разведчиков остановил охранный дозор и тут же пропустил.

Разведчики подошли к шалашу воевод. Те были рядом с ним.

Бордак предложил воинам сесть на поваленное дерево и сказал Лекану:

– Докладывай, Степан.

Тот сломал ветку, ногой расчистил песчаную площадку, что-то начертил на ней, после все объяснил.

Бордак выслушал его и посмотрел на опричников ертаула.

Пестов кивнул.

– Все так и есть, воевода.

– Значит, две сотни крымчаков?

– Да, боярин, – подтвердил Лекан и добавил: – Я слышал короткий разговор между мурзами, но о нем поведаю только тебе, наедине.

Пестов и Верга без команды встали, отошли в сторону.

– Говори, Степан, – велел Бордак.

– Значит, разговор такой был. Один мурза, которого зовут Ахмад, сказал другому: «Здесь ждать будем. А ты, Хаджи, позже отправь в развалины села отряд лучников. И чтобы сидели там как мыши». Тот, кого зовут Хаджи, спросил Ахмада: «Может, на подходе разбить полусотню опричников?» Ахмад же в ответ: «Их, я думаю, будет больше. У меня нет особого желания подыхать в этом лесу, взяв огромный ясырь. Посему сотни пустим на царский поезд, на дружины, которые могут от слободы подойти, но главную роль должны сыграть лучники. Конечно, за живого русского царя Девлет-Гирей заплатит нам гораздо больше, но и за мертвого даст немало. А еще сколько возьмем потом!» В общем, воеводы, мурзы понимают, что царская охрана без подмоги не останется. Из слободы может подойти войско, да и полусотня опричников личной охраны государя даст бой. Посему задумали они послать своих людей, не считая десятка нукеров, на царский поезд, не рассчитывая, что те вернуться из боя. Ждать они не собираются. Главная опасность для царя – это лучники, которые из села смогут накрыть всю дорогу. Как только главные басурмане увидят, что завязалась сеча, а лучники убили царя, они тут же двинутся отсюда. Куда побегут, не ведаю, о том мурзы при мне не говорили, но не на юг, не к слободе, где их могут побить. Думаю, на север пойдут. У них есть проводник. Я издали его видел, борода седая, невысокий, одет не как татары. Он-то и выведет мурз с нукерами в безопасное место. А таких в Мещере валом. Но они-то пусть, а вот лучникам никак нельзя давать стрелять. Это все, что я хотел сказать.

Бордак похлопал его по плечу.

– Молодец, Степан! Царь щедро наградит тебя.

– Его еще спасти надо.

– На то мы здесь. Теперь, зная замысел врага, защитим государя. Теперь вам обедать и отдыхать. Я очень благодарен тебе, Степан.

Мужик смутился.

– Да ладно. Я ничего такого не сделал.

– Иди. Я вижу, ты устал.

Парфенов дал команду и Пестову с Вергой идти к десятнику, пообедать и спать.

Разведчики ушли.

Бордак взглянул на Парфенова и спросил:

– Теперь тебе ясно, что мы будем делать?

Княжич улыбнулся и ответил:

– Конечно. Охотиться на охотников.

– Тогда пойдем поразмыслим и пообедаем. Только надо усилить охранение, отдельный дозор выставить для наблюдения за селом.

– Сделаю. Когда готовиться к бою будем?

– Вот сговоримся с опричниками из слободы и решим.

– Добро.

Борис Талый и опричник из слободы прибыли, когда солнце уже ушло за горизонт. Их встретили Бордак с Парфеновым.

Опричник из слободы представился:

– Никола Леснов. Приветствую, воевода. Слыхал я о твоей дружине.

– Вот и хорошо. Сейчас поешь, потом ко мне.

Талый увел Леснова в свой десяток.

Начало темнеть, когда гонец из слободы вновь предстал пред Бордаком.

– Слушаю тебя, воевода.

Михайло рассказал ему о крымчаках, которые засели в лесу, ждали царя.

Опричника обуял гнев.

– Мало этим собакам разоренных и ограбленных сел и деревень, сожженной Москвы и гибели десятков тысяч людей, богатого ясыря, взятого в этом походе. Они решили еще и царя нашего загубить!

В разговор вступил Парфенов:

– Хан много получил, но с царем он напрасно задумал. Мы не дадим басурманам напасть на государев обоз.

– Приказывай, воевода, что делать сотням, оставшимся в слободе.

– Кто там у вас старший?

– Лавр Батарь, добрый знакомец Малюты Скуратова.

– А сам Григорий Лукьянович в слободе не появлялся?

– В последние дни нет.

– Ясно. Тогда так, Никола, сейчас тебе отдых. За два часа до рассвета поедешь в слободу тем же путем, которым шел сюда. Смотри на чертеж. – Бордак развернул свиток. – Батарю следует вывести одну сотню вот сюда, к краю болот. Вторая должна закрыть лес от топи до дороги с обеих сторон стана татар. Скрытно встать на место надо часов через пять после восхода. Не позже. На чертеже указано, где проклятые мурзы выставили охранение. Его надо будет снять. Но все только по моему распоряжению.

– Какой знак будет подан? – спросил Леснов.

– Вы услышите шум от сечи в развалинах села Треблино.

Гонец из слободы удивился и спросил:

– А там с кем ты драться намерен, воевода?

– Это наше дело. В общем, передашь Батарю, как сотни сомкнутся вокруг крымчаков, пусть кто-нибудь крикнет кукушкой. А после, как начнется сеча в развалинах села, вы ударите татарам в спину. Уходящих в стороны бить нещадно. Получится взять мурз – хорошо, не выйдет – не беда. Все понял?

– На словах не объясню, воевода. Дозволь свиток с собой взять.

– Он и нам нужен. Тебе другой сделают, точно такой же.

– Понял.

Бордак велел Талому уложить гонца отдыхать и в назначенное время отправить его в слободу.

До рассвета было тихо.

Как только взошло солнце, ратники западного поста охранения подали сигнал в стан дружины. К ним вышел Бордак.

– Что у вас? – спросил он.

– Крымчаки появились на опушке.

– Где? Сколько?

– Человека три. Сейчас они в кустах прямо напротив, видимо, смотрят за развалинами села.

– Скоро они должны выслать в Треблино лучников. Надо... – Воевода не договорил.

От леса отделился пеший татарин, добежал до дороги, осмотрелся, прошел в село, подал сигнал. За ним в Треблино зашли еще пять человек, несущих за спинами большие луки и колчаны со множеством стрел. После этого движение прекратилось.

Бордак взглянул на наблюдателя.

– Всего шесть лучников. Этого мало.

– Еще идут, – сказал опричник.

Из леса вышли десять крымчаков с луками и колчанами. Они скрылись в развалинах, ближних к дороге. Двое устроились на колокольне.

– Вот теперь их хватит, чтобы побить охрану царя и подранить его самого, – сказал Бордак.

– Так разве мы допустим это?

– Нет, конечно. Смотри за селом, я в стан.

Бордак вернулся в рощу, подозвал к себе Фому Рубача.

Тот подошел.

– Слушаю, воевода.

– Царский поезд где-то верстах в тридцати-сорока отсюда. Мы не ведаем, как сложится бой с крымчаками. Следует предупредить государя, чтобы подобрал безопасное место и оставался там, пока мы не пришлем гонца.

– Я понял. Отправлю Вергу. Не против?

– Не против. Пошли немедля. Нельзя допустить, чтобы государь с полусотней опричников сблизился с местом засады настолько, что татары смогли бы пустить стрелы и броситься к поезду.

– Уразумел, боярин. Немедля выполню.

– Давай.

К Бордаку подошел Парфенов и спросил:

– Ты, Михайло, ходил к западному дозору?

– Только оттуда.

– И что там?

– Татарские лучники числом в шестнадцать рыл зашли в Треблино, разместились ближе к дороге, двое на колокольне. Я передал Рубачу наказ отправить к царю гонца с просьбой остановиться и переждать.

– Верно сделал. Вот только послушает ли тебя Иван Васильевич?

– Да, это вопрос еще тот. У него характер суровый, решительный. Он может и сам возглавить полусотню и повести ее на татар. Но я думаю, мы тут до подхода царской дружины управимся. Лишь бы опричники из слободы все быстро и ладно сделали.

– А мы что?

– А мы, Василь, снимем лучников. Я с тобой хотел посоветоваться на этот счет.

– Прямо сейчас?

– А чего время тянуть? До молитвы и ужина управимся, после начнем скрытное движение к селу. К полудню ратники должны быть в готовности каждого татарина прибить.

Парфенов кивнул.

– Добро. Какие у тебя мысли насчет нападения на лучников?

– Я думаю, Василь, взять один десяток Рубача, к нему добавить всех лучников. Отряды Огнева и Грудина пусть остаются южнее и севернее места засады, дабы не дать крымчакам развернуться у села.

– Сколько ратников будет в головном отряде?

– У Рубача десять воинов плюс Лекан, по три лучника дадут Огнев и Грудин, да мы с тобой. Выходит почти два десятка.

– У Огнева и Грудина останется по шесть ратников?

– Считаешь, что этого мало?

Парфенов кивнул.

– Да, мало. Еще я считаю, что нет смысла прикрывать южную сторону. Оттуда наверняка подойдут опричники из слободы, возможно, рать Скуратова. А вот север остается свободен. Татары смогут вырваться из окружения и уйти в дремучие леса Мещеры. Посему предлагаю объединить отряды Огнева и Грудина, прикрыть ими северную сторону.

Бордак чуть подумал и сказал:

– Пусть будет так.

Сзади послышался топот коня.

Боярин обернулся. По тропе, ведущей на север, поскакал к царю гонец Рубача.

Бордак посмотрел на небо, на Парфенова и распорядился:

– Объявляй, Василь, всеобщую молитву и завтрак. После сбор десятников.

– Да, Михайло.

Вскоре десятники собрались у Бордака с Парфеновым, рядом с их шалашом. Михайло предложил им выйти к западному посту наблюдения. Там они разместились на склоне балки. Боярин довел до десятников смысл своего плана, поддерживаемого княжичем. Начальники отрядов выслушали воеводу и одобрили его соображения.

Вскоре отряды двинулись на запад и северо-запад. К месту сечи они должны были выйти одновременно. Это получилось. Прокричала кукушка, и Бордак понял, что люди Огнева и Грудина перекрыли северную сторону.

– Теперь наша очередь. Заходим в село по одному. Первым идет Степан Лекан, – проговорил воевода.

Мужик осмотрел ратников. Ему приятно было чувствовать себя начальником над теми самими опричниками, которых он до того сильно боялся из-за разных слухов об их зверствах.

Бордак продолжил:

– Как Лекан зайдет в Треблино, следуем туда и мы по его знаку. Уже в селе он подскажет, кому и куда идти далее, дабы татары не увидели нас и не попрятались в подвалы да погреба. Мы должны подобраться как можно ближе к лучникам. По двоим на колокольне решим на месте. Остальные бьют по всем лучникам. Но по моему распоряжению. Без него никаких действий, уяснили?

Опричники кивнули. Им не впервой было биться с крымчаками в таких условиях.

Бордак дал знак Лекану. Тот где прошел, где прополз до восточной околицы, скрылся за полуразрушенной городьбой. Отсутствовал он не менее получаса, потом объявился, махнул рукой. К нему пошли остальные ратники. Впереди держались Фома Рубач, Михайло Бордак, Василий Парфенов и Иван Пестов.

Они дошли до изгороди и оказались в саду, чудом избежавшем огня.

Бордак вполголоса спросил Лекана:

– Ты чего задержался?

– Так смотрел, где обустроились косоглазые.

– Увидел?

– Само собой. Они встали в линию на самой околице, за церковью, укрылись за развалинами изб и плетнями. Луки рядом, колчаны тоже. Те, которые залезли на колокольню, глядят на север, оттуда должен появиться царский поезд.

– Как близко мы можем подойти к татарам-лучникам? – осведомился Парфенов.

– Да саженой на двадцать без труда. Только мне придется каждого выводить. Тут много подвалов, в которые можно провалиться.

– На это слишком много времени уйдет.

– Ничего, я быстро. Вот только к церкви так близко подойти не получится. Но двоих басурман, засевших на колокольне, я собью с соседнего двора. Там место пригожее.

– Один собьешь?

– А что? Были бы лук да стрелы. И опомниться собаки не успеют, как заполучат под шлемы по стреле.

– А там, в месте твоем дюже пригожем, мы с княжичем укрыться можем?

– Очень даже просто. Там человек пять спрячутся.

Бордак кивнул, повернулся к Парфенову и спросил:

– Что скажешь, Василий?

– По-моему, Степа дело предлагает.

– Добро, пусть будет так. Давай, Степа, выводи ратников к басурманам.

– Угу. Только наказ опричникам нужен. Без него никто и с места не сдвинется.

– Идем со мной, Степа. Будет тебе наказ для ратников, – сказал Рубач.

Десятник и мужик отошли к изгороди.

Несмотря на трудности перемещения в развалинах, опричники довольно быстро разошлись по позициям. Этому способствовало и то, что крымчаки в разграбленном селе Треблино чувствовали себя в безопасности. Начальник лучников не посчитал нужным выставить тыловой дозор, решил, что достаточно будет наблюдателей на колокольне, которые на восток почти не смотрели.

К воеводам вернулся Лекан и доложил:

– Все, боярин и княжич. Люди на местах. Пойдем и мы?

Они прошли через два опустошенных двора и оказались под плетнем, который не упал, а наклонился, создав тем самым надежное укрытие для русских ратников.

Бордак сразу оценил эту позицию:

– Отличное место. Но достанешь ли ты, Степан, до татар на колокольне?

Лекан улыбнулся и ответил:

– А мне в том Бог поможет. Ему не по нраву, что нехристи храм разрушили, да еще и поганят его своим сидением на колокольне.

– Я серьезно, Степан.

– Достану, боярин, не сомневайся.

Рубач передал охотнику лук и пять стрел.

Лекан натянул тетиву, отпустил. Она зазвенела, выпрямившись.

– Добрый лук, а стрелы каковы? – Он потрогал острый наконечник, древко, птичьи перья, обмотанные бечевой. – Годится. С таким оружием и на кабана можно идти, не то что на каких-то косоглазых.

Парфенов посмотрел на север.

– Ты что? – спросил Бордак.

– Молю Бога, чтобы государь не решился идти сюда. Лучников-то мы пока не перебили. Чем закончится сеча в лесу, еще вопрос, как и то, нет ли у татар где-то рядом других засад. Всю местность осмотреть тут никак невозможно.

– Да, – протянул Бордак. – Предугадать решение государя сложно. Может, ближние опричники убедят его. Хотя чего я говорю. Ивана Васильевича уговорить против воли не сумеет никто. Он еще как-то слушал свою первую жену Анастасию, коварно убитую, а теперь все решает сам.

– Ладно, чему быть, того не миновать. Будем надеяться, что люди сотника Батаря справятся с заданием.

– Что-то долго он выходит к татарам.

Тут же, словно слова боярина были услышаны, из глубины леса донесся трехкратный крик кукушки.

– Слава тебе, Господи! Вышли-таки опричники на свои позиции.

Парфенов повернулся к Бордаку и спросил:

– Твое решение, воевода?

– А чего, Василь, тянуть? Лучникам приготовиться!

Княжич передал наказ, и эти слова полетели от одного воина к другому.

Бордак же взглянул на Лекана.

– Ну так что, Степан? Ты ведь говорил, что легко собьешь татар с колокольни.

– Сам увидишь.

– Ну и хорошо. Начали!

Команда прошла по опричникам, они подняли луки, натянули тетивы.

Первым пустил стрелу Лекан. Она пробила шею крымчака, ничем не защищенную. Его товарищ с удивлением взглянул на это и тут же получил стрелу в то же самое место. Тела упали в жерло винтовой лестницы и полетели по ней вниз. Словно Господь вымел нехристей из православного храма.

Пустили стрелы и лучники дружины.

Татары находились к ним спинами, и выжить в таких условиях у них шанса не было никакого. Только их старший, который прятался за остовом печи, был ранен. Он завопил на всю округу так, словно с него живого сдирали кожу.

Этот крик услышали фланговые ратники опричных сотен Батаря. Тут же пошла атака на стан крымчаков с болота. Большая часть татар полегла в начале схватки. В сече пал и мурза Хаджи. Потом крымчаки организовались, встали в круг под защитой коней. Вторая атака нанесла им меньший урон. Но лес для них был так же чужд и враждебен, как для русских горные массивы далекого Крыма. Они не умели драться в таких условиях.

Мурза Ахмад попытался увести людей на север, но стрелы лучников Батаря преградили им путь. То же самое произошло на юге. Тогда крымчаки вышли на дорогу и угодили в кольцо. Они готовили засаду, но сами попали в капкан, выхода из которого у них не было. А тут еще от слободы подошла полусотня, ведомая Малютой Скуратовым.

Сеча длилась недолго. Крымчаки бились отчаянно, но бесполезно. Сильные опричные дружины рубили их повсюду. Вскоре нукер мурзы Ахмада поднял на острие копья белую тряпку и замахал ею. Но сотня Лавра Батаря продолжала рубить татар.

Бордак подал команду:

– Прекратить бой! Пленить крымчаков, прежде всего мурзу. Ко мне его!

Сотник Батарь, привыкший к строгой дисциплине в опричной слободе, повторил наказ воеводы. Сеча сразу прекратилась. Татары бросили оружие и сели на корточки. Остался стоять мурза, рядом нукер. К ним приблизились опричники, схватили под руки и вывели на околицу села Треблино.

Мурзу дружинники подвели к Бордаку и Парфенову, поставили на колени. Нукера они бросили к другим пленным.

Михайло посмотрел на мурзу и спросил по-татарски:

– Как звать?

Крымский вельможа удивился.

– Ты так хорошо знаешь наш язык?

– Пришлось научиться. Повторяю вопрос. Кто ты?

– Мурза Ахмад.

– Где Хаджи?

На физиономии татарского начальника вновь нарисовалось удивление.

– Ты и о нем знаешь?

– Я о многом знаю. Так где он?

– Погиб. Тело где-то в лесу. Можно найти при желании. Мои люди, которые сдались в плен, и найдут его.

– Нет больше у тебя людей.

– Ты понял, что я хотел сказать.

– Понял. Скоро сюда подъедет государь. Он уже знает, что по велению Девлет-Гирея ты руководил теми сотнями, которые должны были захватить или убить его...

Мурза прервал Бордака:

– Это не так. Старшим был назначен мурза Хаджи. Он родственник нашего повелителя. Я был всего лишь его помощником.

Бордак подозвал Лекана.

– А ну, Степа, поведай нам, о чем говорили мурзы в лесу.

Лекан сделал это. Мурза побледнел.

– Ты предал и своего господина, и людей, которые были в вашем подчинении. Жалко стало терять награбленное добро? Надеюсь, что государя русского убьют ваши лучники?

– Я же сам сдался. А повинную голову меч не сечет.

– Иван Васильевич и не будет тебя казнить. Он просто передаст через верных людей весточку в Крым о твоём предательстве и сдаче в плен, а тебя отпустит. Долго ли ты проживешь на этом свете, когда Девлет узнает об измене?

– Твой мужик лжет! Не было такого разговора, – воскликнул мурза.

– А это уже не важно. Хотя царь может поступить и по-иному. Он волен принимать любые решения.

– Ты только, воевода, не забудь сказать ему, что мурза Ахмад сам сдался в полон.

– Обязательно. Ты действительно сдался, но когда сил сопротивляться уже не было, и тебе грозила неминуемая смерть. Вот если бы ты вывел сотни на дорогу до сечи, разоружил их, дождался бы поезда царя и бил бы ему челом взять под себя, то другое дело. Тогда ты не был бы обделен милостью. То, как ты поступил, говорит всего лишь о твоей подлости и трусости. Ты не воин, мурза, а обычный разбойник. У нас на Руси с такими разговор короткий...

Бордак хотел еще что-то сказать пленному мурзе, как сзади раздался крик:

– Царь с дружиной!

К месту недавней схватки во весь опор шла полусотня опричников. Возглавлял ее государь Иван Васильевич.

Он соскочил с коня. Все пали ниц.

– Встаньте, воины! Вы не должны в пыли валяться! – выкрикнул царь.

Люди поднялись.

Бордак двинулся к нему.

– Дозволь доложить, государь?

– Да вижу я все без доклада. Лишил ты меня, Михайло Алексеевич, возможности схлестнуться с крымчаками в открытом бою.

– Ты сожалеешь об этом?

– Да, у меня великий долг псу Девлету. Его возвратить надо.

– О чем ты, государь? – спросил Парфенов.

– Хан сжег Москву, разорил наши земли, захватил множество людей в полон. Я должен отплатить ему сторицей, перебить все его поганое племя. Так то и будет.

Неожиданно голос подал мурза Ахмад:

– Государь русский, прошу, не вели казнить. Я всего лишь исполнял указы Девлет-Гирея и мурзы Хаджи.

– Это кто такой? – осведомился Иван Васильевич.

Бордак начал было объяснять, но вперед вышел Малюта Скуратов и проговорил:

– Вот он, собака! Я от Москвы рать вел, подозревал, что Девлет между столицей и Александровской слободой тоже засады выставит, чтобы не дать нам вовремя подойти к Треблино. Так и случилось. В тридцати верстах от слободы ертаул наш обнаружил сотню крымчаков, над которой начальствовал мурза Бабак. Мы ее разбили, мурзу в полон взяли и оставили в слободе, чтобы не тащить с собой. По дороге я допросил его. Он показал, что Девлет-Гирей здесь за старшего оставил его. – Скуратов саблей указал на Ахмада.

– Ложь! – провыл плененный мурза.

Иван Васильевич поморщился и распорядился:

– Закройте ему рот и вместе со всеми полонянами гоните в слободу. Малюта, ко мне!

Скуратов подъехал к царю, Бордаку и Парфенову.

– Благодарю вас, верные мои вельможи, – сказал Иван Васильевич. – К сожалению, мы не смогли отстоять Москву, но не отдали врагу Русь. Девлет прислал мне оскорбительное послание, требовал возвращения Казани и Астрахани, выплаты прежней дани. Если бы кто знал, как мне хотелось ответить ему так же, но слова ничто, дело решает все. Да, я согласился на переговоры по Астрахани, но повторяю, все это пустое. Хан грозитя на следующий год вернуться и до конца разорить наши земли. Нам надо время на то, чтобы подготовить достойный отпор врагу, разгромить его, дабы он надолго забыл дорогу, ведущую в наши земли. Много предстоит сделать, но об этом позже. Михайло, останься. Остальным вести войска в Александровскую слободу, оттуда на Москву. Как ни тяжело, но я должен быть там, среди пострадавших людей.

Скуратов и Парфенов поклонились и отошли. Вскоре послышались их команды. Опричные отряды стали строиться в походный порядок.

Царь отвел Бордака в сторону от дороги и заявил:

– Дело у меня к тебе, Михайло.

– Слушаю, государь. Все, что накажешь, сделаю.

– Не сомневаюсь. Надо тебе скрытно отправляться в Крым, где ты уже бывал.

Бордак удивился и спросил:

– В Крым? Зачем, государь?

– Мне надо знать точные, истинные намерения Девлет-Гирея на следующий год. Угрозы этого татарина не напрасны. Сейчас он на вершине блаженства, величия. Как же, и Москву сжег, и рать русскую разбил.

– Но этого не было, государь! – не удержался Бордак.

Царь строго взглянул на него:

– А вот перебивать меня не следует.

– Извиняй, государь.

– Зная его натуру, могу уверенно сказать, что он пойдет на Москву. Людей у него будет гораздо больше, чем ранее. Не упустит своего и хозяин этого пса Селим Второй, властитель Оттоманской Порты. Новый поход на Русь требует тщательной подготовки. Бдительность в

Крым будет притуплена. Там празднуют победу, считают, что дни Москвы сочтены. В этих условиях Девлет-Гирею придется вести много переговоров, принимать решения и утверждать их. Да, у нас осталось посольство в Крыму, но отношение к нему после успеха Девлета станет другим. Значит, и возможности посла сократятся. Ты же имеешь друзей в Крыму, у тебя есть связи, позволяющие прозвать то, что тому невозможно. В общем, Михайло, готовься и отправляйся в Крым. Но до того на Литву. Оттуда в Кафу под видом торговца. Ты уже представлялся таковым. Деньги получишь у Скуратова. Одедешь ими за услуги крымских мурз на свое усмотрение. Кроме того, что возьмешь с собой, тысяча рублей будет переправлена твоему старому знакомцу, который сейчас вновь при посольстве. Это Осип Тугай. Он найдет тебя. Будь осторожен, постарайся, чтобы о тебе не прознали татары. Задание сложное, но ты справишься. Запомни, Михайло, мне надо знать все подробности предстоящего похода Девлет-Гирея. Это все.

– Уразумел, государь.

– У тебя семья как, выжила?

– Выжила, слава Богу, ушла по реке в вотчину Парфенова. Жена родит вот-вот.

– Да, в такой момент мужу надо быть рядом с женой, поддержать ее, помочь. Но, Михайло, придется тебе поступиться этим. Очень уж важное задание. Хотя ты ведь говоришь, что супруга твоя сейчас в вотчине княжича?

– Да, государь. Это в ста тридцати верстах отсюда.

– Поезжай туда, побудь денек дома, попрощайся и отправляйся в путь. Заедешь на Москву, в Кремль, Скуратов снабдит тебя всем необходимым. Встречи со мной не ищи. Чем меньше вельмож прознают про твою задачу, тем лучше.

– Благодарствую, государь.

– Ну а я в слободу и на Москву с тяжелыми чувствами.

– Народ все понимает и твоей вины в этой беде не видит.

– Я вижу, Михайло. Но прощай. Я буду ждать твоего возвращения из проклятого Крыма.

Царский отряд с опричными сотнями пошел в слободу. Дружина во главе с Огневым отправилась на Москву, Михайло Бордак с Василием Парфеновым, Степаном Леканом и пятью ратниками охраны двинулись протоптанной дорогой в село Стешино.

Глава 3

Михайло Бордак затратил на дорогу в Крым более трех недель. Утром двадцать третьего дня пути после ночевки в степи он въехал с запада через хребет Тепе-Оба в город Кафа, расположенный на юго-восточном побережье полуострова и хорошо знакомый ему. Путешественник сразу же направился к возвышенности, где находилась улица, на которой проживал его старый знакомец Ризван. Деньги, переданные ему Малютой Скуратовым при выезде из Москвы, лежали в мешочках, надежно закрепленных на теле. Присматривайся как угодно, все равно не увидишь. Местные жители уже вернулись с утренней молитвы. Это означало, что и семья Ризвана уже на ногах.

Он подъехал к воротам подворья Ризвана, ударил по ним рукояткой плетки.

Во дворе появился парень, неизвестный боярину, и недружелюбно спросил:

– Чего тебе надо, иноземец?

Бордак проделал долгий путь по Муравскому шляху, заезжал в окраинные земли, откуда под видом литвина и пробрался в Крым.

– Тебя не учили вежливости, юноша?

– А вот возьму копьё да ударю в грудь, так узнаешь мою вежливость!

– Смотри, какой грозный.

– Я такой.

– Ладно. Позови Ризвана.

– Ты знаешь дядю?

– Дядю? – повторил не без удивления Бордак. – Так ты племянник Ризвана?

Парень не ответил, повернулся, побежал в дом.

Оттуда скоро вышел хозяин и, конечно же, сразу узнал своего старого товарища.

– Михайло!

Бордак покосился на парня, стоявшего рядом с Ризваном.

– Ты ошибся, я пан Марек.

Хозяин подворья рассмеялся.

– Такой же пан, как я мурза. – Он указал на парня. – Его не опасайся, это мой племянник Алим из Кезлева, хороший юноша. Но чего мы чрез городьбу говорим? Алим, открой ворота.

Парень кинулся к ним, снял доску-запор, отодвинул створку.

Бордак заехал во двор, соскочил на землю, потянулся и сказал:

– Притомился я в пути.

Ризван подошел к нему, обнял и сказал:

– Здравствуй, Михайло! Я рад вновь видеть тебя. – Хозяин подворья взглянул на племянника и распорядился: – Коня гостя в стойло, обтереть, налить воды, положить сена. Алим, я попрошу тебя с почтением относиться к моим гостям.

– Так я же не знал, что это твой гость, дядя Ризван.

– Занимайся делом и будь на подворье, можешь понадобится.

– Да я и не собирался никуда.

– Много слов, Алим. Надо больше дела.

– Да, дядя, прости.

Парень взялся за поводья, но Бордак остановил его и спросил:

– Ты намерен поставить коня в стойло вместе с сумами и оружием?

– А, башка моя глупая!

Он посмотрел на Ризвана, тот махнул рукой:

– Не суетись, соберись.

– Не гневайся, дядя Ризван.

- Я не гневаюсь, я советую, надо понемногу учиться жизни, взрослеть.
- Я уже взрослый.
- Конечно. Сними поклажу!

Алим снял с коня сумы с припасами, булаву, лук с колчаном стрел. Саблю в ножнах Бордак держал при себе. Парень положил все это на скамейку, стоявшую возле дома, и повел коня в стойло.

- А где твой сын? – спросил гость.
- Мой Хусам женился. Помнишь, у него невеста была Гульшен, дочь купца Наби Алая?
- Что-то вспоминается.

– Вот сыграли свадьбу до похода на Русь. Сейчас он пока в юрте недалеко отсюда с молодой женой живет. Рядом дом общими усилиями строим. Трудно дается, денег не хватает, но с помощью Всевышнего поставим и дом, и подворье.

Бордак взглянул на татарина и осведомился:

– погоди, а разве единственный или младший сын по вашим обычаям не должен оставаться в доме родителей?

Ризван улыбнулся и ответил:

- Должен и, я надеюсь, останется.
- Не понимаю. Хусам же ушел из дома.
- А с чего ты взял, что он так и будет единственным?
- Ты хочешь сказать?..

Татарин рассмеялся.

- Да, Михайло, моя Ираза понесла. Молю Всевышнего, чтобы дал нам сына.
- Вот в чем дело!

Тут вышла во двор и Ираза, заметно располневшая. Лицо ее было прикрыто платком. Мусульманкам не пристало говорить с чужими мужчинами, но сейчас был не тот случай.

- Приветствую тебя, Михайло.
- Приветствую, Ираза. Я уже слышал о вашем счастье.
- Да, дал Аллах плод. Рожу скоро.
- Так же, как муж, хочешь сына?
- Я хочу дочь, но кто будет, то в воле только Всевышнего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.